

СПЕЦВЫПУСК

ИЮЛЬ/2018
УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№7 (148)

СЕКРЕТЫ КУЛЬТУРЫ

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ СУДЬБЫ

2

МАГИЯ «СОВЕТСКОЙ
ЛОЛЛОБРИДЖИДЫ»

ПЕРСОНА

ЗИМА НА
ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ

ПОРТРЕТ

20

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
НЕ БОЯЛСЯ СТАЛИНА

Замужем за мафией

ISSN 2070-884X

9

Магия «советской Лоллобриджиды»

Лионелла Пырьева: «Раньше я задумывалась: хочу я это купить или не хочу, а сейчас — могу или нет. Живём мы достаточно скромно — на пенсию»

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Пятнадцатого марта тихо и скромно отметила 80-летний юбилей одна из самых притягательных и загадочных актрис советского киномира — Лионелла Пырьева. Кому-то покажется странным: почему загадочная? Ну да, много лет назад успешно снялась в нескольких эпохальных фильмах: сыграла прелестную Грушеньку в «Братьях Карамазовых», дважды (в «Хозяине тайги» и «Опасных гастролях») — возлюбленную героев Владимира Высоцкого, ленты с участием которого давно считаются культовыми. Но более 30 лет назад вообще ушла из кино, в спектаклях не участвует.

А разве не удивительно, что Лионелле Ивановне довелось быть женой двух необыкновенных мужчин: сначала легендарного режиссёра, шестикратного лауреата Сталинской премии Ивана Александровича Пырьева, а затем — одного из самых знаменитых красавцев и талантов того времени — актёра Олега Стриженова?! Причём оба выбрали её из бессчётного множества кандидаток, делали официальное предложение руки и сердца, долго уговаривали, с трепетом ждали «приговора». Понимали: эта женщина не годится для лёгкой любовной интрижки, она рождена быть музой, надёжным семейным тылом и подругой всей жизни — не меньше!

Свой первый фурор юная Лионелла Скирда (её девичья фамилия) произвела ещё на предпоследнем курсе ГИТИСа, когда снималась в фильме «Вольный ветер» по одноимённой оперетте Исаака Дунаевского. Дело было в Ялте, и, говорят, полюбоваться удивительно похожей на Джину Лоллобриджиду темноглазой красоткой с точёной фигуркой и осиной талией собирались целые толпы.

Ещё одна любопытная история случилась в 1969-м. Снимавшийся тогда в Москве в совместной советско-британско-итальянской драме «Красная палатка» британский актёр Шон О'Коннери (лауреат премии «Оскар», прославившийся ролью Джеймса Бонда в сериале про «агента 007») случайно посмотрел фильм «Братья Карамазовы» по Достоевскому. Картина так ему понравилась, что он попросил режиссёра «Красной палатки» Михаила Калатозова немедленно познакомиться с актрисой, сыгравшей Грушеньку. То есть с Лионеллой Пырьевой. Калатозов устроил им встречу на «Мосфильме». Как раз в это время киностудию осаждала армия поклонниц «агента 007», мечтающих хотя бы одним взглядом взглянуть на всемирную знаменитость... О'Коннери пустил в ход всё своё джеймсбондовское обаяние, сыпал комплиментами, предлагал актрисе продолжить общение в неформальной обстановке. Но потерпел сокрушительное фиаско и с позором ретировался.

И таких историй — немало. Большая их часть — слухи и сплетни, рассказы обиженных соперниц и «откровения» мужчин, которым она отказала. Ей завидовали всегда. Когда вышла замуж за

АКТРИСА ЛИОНЕЛЛА СКИРДА (ПЫРЬЕВА). 1966

Пырьева, говорили, что «Скирда захомутила старика, чтобы вместо звезды советского кино Марины Ладыниной сниматься в его фильмах» и «любила так крепко, что он умер на следующий день после свадьбы». Но почему-то все притихли, когда в память о не успевшем доснять «Братьев Карамазовых» великом муже-режиссёре она, стиснув зубы, со скандалом и открытым противостоянием, дошла до ЦК и руководства Госкино и отстояла таки пырьевскую версию фильма, который взялся перелопачивать и переснимать Михаил Ульянов. Кроме неприятностей, лично ей это ничего не дало, но поступить по-другому последняя спутница жизни создателя картин «Свинарка и пастух», «Трактористы», «Кубанские казаки» не считала возможным.

В случае со Стриженовым «доброжелатели» усмехались: «С таким хроническим сердцем, да ещё с таким тяжёлым характером вместе жить невозможно! Разбегутся через месяц». А он уже более 40 лет за свою Лину в клочья рвёт любого! Кстати, Олег Александрович написал целую книгу — «Исповедь», где назвал Лионеллу главной женщиной своей невероятной по насыщенности жизни. Однажды он сказал фразу, которая многое объясняет: «Меня невозможно взять. Никому. Я сумел остаться независимым даже в самой зависимой в мире профессии. А уж про семейные отношения и говорить не приходится. Лина — это мой выбор. Самый правильный и лучший в жизни. Просто Судьба очень долго вела нас друг к другу».

Вот как ей всё это удавалось? В чём её невероятная притягательность — в уме, такте, большой житейской мудрости,

способности полностью раствориться в любимом мужчине? Вопрос риторический — эту тайну она не откроет никогда.

...Не буду рассказывать, как и при каких обстоятельствах мне удалось уговорить Лионеллу Ивановну на интервью — она даёт их крайне редко, но знаю точно, что порог её квартиры на Смоленской улице, где на фасаде дома висит мемориальная доска, посвящённая её первому мужу, а по всем комнатам — её шикарные портреты кисти мужа последнего, из моих коллег переступали считанные единицы.

ВЛЮБИЛСЯ ГЛАВНЫЙ БАНДИТ ОДЕССЫ

— Лионелла Ивановна... И откуда у вас такое хитрое имя?

— Я родилась перед самой войной, в Одессе... А в кого могла влюбиться моя мама-одесситка? Только в моряка заграничного! Она и влюбилась, и даже некоторое время родители плавали на одном корабле — мама туда устроилась горничной. А с моим именем вышла целая история. Когда мама была беременна мною, они с папой оказались в Италии. Там, гуляя по портным магазинчикам, встретили девушку, по словам мамы, красоты неопишуемой. Спросили, как её зовут. Оказалось, Лионелла. Вот и решили, если родится дочь, назвать её этим заморским именем — пусть будет похожей на неё. И это при том, что все мои братья и сёстры носили вполне обычные имена — Евгения, Анна, Ольга, Виктор. А я... Папа — Иван. Лионелла Ивановна Скирда — представляете контраст?!

(Смеётся.) Из-за этого я всегда попадала в достаточно щекотливые ситуации. Спрашивали: «Как вас зовут?» «Лионелла». «О!!! А отчество?» «Ивановна...» Пауза. Помню, художественный руководитель нашего курса в ГИТИСе надо мной подтрунивал, называя «Лина Лоллоскирдина».

— А каким ветром одесситку-морячку с таким экзотическим именем занесло в театральную Москву?

— Попутным... После войны родители уехали работать на Дальний Восток, я осталась жить с бабушкой. Училась в суровой женской гимназии. И, сколько себя помню, бредила театром, пропадала там всё свободное время — смотрела из-за кулис спектакли, сидела на репетициях... Благо мы жили в Колодезном переулке — в доме, вплотную прилегающем к зданию Одесского государственного русского драматического театра, и лучшие столичные театры, приезжавшие летом в Одессу, давали спектакли именно там. Поэтому я с раннего детства впитала в себя всю классику, помнила все монологи, мысленно «переиграла» всех героинь. Стала чуть постарше — из драмкружков не вылезала. Ну а бабушке, естественно, нравилось, что я не на свидания к мальчикам бегаю, а участвую в постановках, школьных концертах. Хотя мальчики на меня внимание уже обращали.

— А вы были влюбчивая?

— Да вы что! Даже в мыслях ничего подобного не было. Помню, в классе пятом-шестом к нам в школу приглашали «духоперов» — так называли ребят из местного военного училища. С «духоперами» мы танцевали полонез, мазурку. Но всё равно их боялись. А в старших классах — вообще ужас — на меня положил глаз урка, как мне потом сказали, главный бандит Одессы. Узнал, где живу, стал преследовать. Сам — квадратный качок, в прохорях и с золотой фиксой во рту. Я так перетрухала! В итоге полгода выходила на улицу только в сопровождении бабушки. Мне просто повезло — вскоре он опять кого-то убил и его посадили.

— Мечтали об актёрской карьере?

— Конечно, я мечтала стать артисткой! Тем более что второй моей большой страстью был кинематограф. Особенно после «Овода»! Когда в 1955 году я, десятиклассница, пришла на премьеру этой картины по знаменитому роману Войнич, была просто потрясена и фильмом, и главным героем Артуром — молодым, красивым, бесстрашным, с колоссальным чувством юмора. Таких лиц, такой актёрской игры я в нашем кино до этого не видела. Он смотрел на меня с экрана и будто бы всем своим видом манил: «Иди сюда!» Вот тут уже моё решение поехать в Москву поступать в театральный стало окончательным и бесповоротным.

— Речь идёт об «Оводе» режиссёра Александра Файнциммера, где Артура сыграл...

— Правильно — Олег Стриженов! А самое удивительное, что вскоре мы встретились. Тем же летом, проходя мимо Оперного театра, я увидела, что идут съёмки. Ничего особенного — для Одессы

ЛИОНЕЛЛА СКИРДА, ТАТЬЯНА УХАРОВА И ОЛЬГА ЯРОШЕНКО В СПЕКТАКЛЕ «СЕЙЛЕМСКИЕ ВЕДЬМЫ» НА СЦЕНЕ ТЕАТРА ИМЕНИ СТАНИСЛАВСКОГО. 1963

это обычное дело. Подошла поближе и вижу: в самом центре съёмочной площадки стоит... тот самый Артур из «Овода». Сердце чуть не выскочило из груди! Попыталась через толпу протиснуться поближе к верёвочному ограждению, но никого не пускают. Стою как околдованная, глаз не могу отвести от него. Вдруг он сам подходит и говорит: «Пропустите эту девочку, пусть посмотрит». Берёт меня за руку и заводит за ограждение. «Вы не Джина Лоллобриджида?» «Меня зовут Лионелла», — ответила я... Это были съёмки «Мексиканца», где Стриженов играл боксёра Фелипе Риверу. Наша первая встреча!

ОЧЕНЬ ЛЁГКИЙ ХАРАКТЕР

— Вы с первого раза поступили в ГИТИС. Как столица вас встретила?

— А я не считала себя провинциалкой. Я приехала из большого города, тем более портового. У меня были по тем временам самые модные заграничные вещи — одежда, косметика, не с барахолки, а со знаменитого одесского Толчка. Помню, у меня были туфли, самый последний писк моды — вот на таком двадцатисантиметровом каблучке. Чтобы их надеть на экзамен, ко мне выстраивалась длинная очередь. Даже экзаменаторы удивлялись: весь курс ходит в одинаковых туфлях! И в плане раскованности... Она у меня была, безусловно. Я никогда не строила из себя сироту казанскую, общалась со всеми на равных, не вступала в конфликты и легко находила общий язык со всеми. У меня очень хороший лёгкий характер, я по гороскопу Рыбы.

— Вы начали сниматься ещё студенткой. Режиссёры «охотились» на вас?

— Да нет, ничего такого особенного не было. Более того, мой первый опыт в кино вообще едва не оказался последним. На третьем курсе меня пригласили в Киев сниматься в каком-то фильме. А это, как известно, преподавателями института, мягко говоря, не приветствовалось. Но хотелось — жутко! Поэтому я уехала тайно, передав через подругу, что лежу больная, с высокой температурой. Но всё вскрылось, разразился страшный скандал. Не знаю, чем бы это закончилось для меня — позорным исключением, прочими карами... Короче, пришлось просить прощения у всего курса. Причём публично! Меня простили, но от режиссёров я ещё долго потом просто шаркалась. И потом, знаете, при всём уважении к кинематографу всё-таки наше поколение артистов было пропитано театром, помешано на Чехове, Островском. Мы не представляли себе лучшей участи, нежели выходить на сцену и играть классику, создавать образы.

— Ну а то, что в 1961-м на съёмках «Вольного ветра» чуть ли не вся Ялта сбегалась на вас поглазеть, правда?

ЛИОНЕЛЛА СКИРДА НА СЪЁМКАХ ФИЛЬМА ИВАНА ПЫРЬЕВА «СВЕТ ДАЛЁКОЙ ЗВЕЗДЫ». ГОРЬКИЙ. 1964

— (Смеётся.) Тогда по городу пошли слухи, что снимается фильм с молодой красивой девушкой, у которой тончайшая талия и очень красивый бюст. Это сейчас такой фигурой никого не удивишь, потому что у многих силиконовая грудь. А тогда всем было интересно!

«ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ, НА ВАС ДОНОС!»

— В «Исповеди» Олег Стриженов описывает, как в начале 1960-х случайно встретил вас «в компании молодой актёрской братии» и был вами просто «загипнотизирован».

— Это было в первых числах января 1962-го — в ресторане ВТО. Я тогда уже работала в Театре имени Станиславского. Мы оба вспыхнули мгновенно! Такие чувства накрыли обоих — не было никаких сил сопротивляться. Мы начали встречаться. Но длился наш тайный роман недолго. Молодые, горячие, ведомые страстью, но и... чувством долга. У него была жена, пятилетняя дочь Наташа, к которой он был сильно привязан. Я видела, как он метался, переживал. Я сама места себе не находила, но разбить его брак я считала невозможным. Для обоих — тупиковая ситуация! Вот я и решила: раз вместе нельзя, рубить под корень. Сама резко ушла, но отходила очень долго, мучительно. Пока не случился мой шестилетний брак с Иваном Александровичем Пырьевым...

— Как вы с ним познакомились?

— При довольно курьёзных обстоятельствах. Во время работы над картиной «Вольный ветер», где я играла свою первую главную роль, я проспала съёмку. Приезжаю, мне говорят: «Вызывает Пырьев!» Иван Александрович был художественным руководителем «Мосфильма», все его страшно боялись. Я

пришла. Он прочитал мне суровую лекцию о том, что «начинающей актрисе некрасиво опаздывать», объяснил, сколько стоит съёмочный день. Пригрозил «повесить» всю неустойку на меня. «Хорошо, — отвечаю, — вешайте!» На этом всё и закончилось. А через год Пырьев въехал в дом на Смоленской, где я жила в квартире, предоставленной театром. Мы стали соседями, познакомились поближе. Бывало, откровенничали, разговаривали по душам, как две подружки.

— Вы знали, что у женатого на звезде советского экрана Марине Ладыниной Пырьева как раз в это время был сумасшедший бурный роман с 19-летней вторкурсницей ВГИКа Людмилой Марченко?

— Ну конечно! Я рассказывала ему о своей любовной драме, о Стриженове, он мне — о своей. И несмотря на то, что о его разрыве с Ладыниной и романе с Марченко тогда судачили и сплетничала вся театральная Москва, я знала о его жизненной ситуации всю правду — из первых уст. А ситуация у него была очень

Болшево... Я больше чем уверена: если бы не это гнусное письмо в ЦК, всё закончилось бы воссоединением семьи. Пырьев очень любил сына Андрея и никуда уходить не собирался.

— Откуда такая уверенность?

— Иван Александрович мне в этом лично поклялся! Но он не смог перенести такого предательства и вычеркнул Марину из жизни. Напрочь! Я как-то случайно нашла между страниц одной из книг её фотографию, на которой она ещё молодая, в кокетливой шляпке. Принесла её Ивану Александровичу: «Что с ней делать?» Пырьев молча в клочки порвал снимок и выбросил.

И по поводу Марченко он мне всё сам откровенно рассказывал. Иван Александрович уже был в возрасте, когда Люда сама предложила ему связь интимную. Уж не знаю, в обмен ли на покровительство и роли — меня никогда не интересовали такие подробности. Но то, что она предложила себя сама, — точно. Пырьев пошёл на это, не думал, что зайдёт так далеко. Люда снялась у него в картине «Белые ночи» по Достоевскому. А потом... Это был настоящий сумасшедший дом — она всячески дурила Пырьева, врала, он не верил в её измены, прощал. Затем в самый разгар их отношений Марченко вдруг вышла замуж за сына замминистра финансов Володю Вербенко. Но всё равно продолжала приходить к нему. Когда Люда развелась, Иван Александрович купил ей однокомнатную квартиру, обставил её и переехал к ней. Всё это продолжалось до тех пор, пока Иван Александрович не застал её в самом непристойном виде, причём с человеком, которого она приводила в их дом под видом друга. Именно после этого Пырьев решил порвать с Марченко окончательно. Не появилась бы в его жизни, появилась бы другая.

— То есть он решил клин клином вышибать?

— Именно так. И этим клином оказалась я! Буквально через месяц Иван Александрович предложил мне выйти за него замуж.

— Ожидали?

— Нет, для меня его предложение было как обухом по голове. У нас же были просто хорошие хорошие отношения, ничего больше. Я ответила, что должна всё серьёзно обдумать. Взяла паузу. Он очень красиво, трогательно ухаживал... Особенно меня тронул его поступок, когда во время гастролей нашего театра в Горьком я серьёзно заболела ангиной. Узнав об этом, он наутро примчался — с цветами, привёз лекарства, лимоны, которых в те времена было не достать. Через местный обком организовал консилиум врачей и оставался рядом, пока меня не поставили на ноги. В конце концов, всё взвесив, я сказала «да».

— Не смущала разница в возрасте? Вам 24, ему — 60.

— Об этом я вообще не думала. Да и не выглядел Пырьев стариком. Он был сильным, энергичным, безумно талантливым

ЛИОНЕЛЛА СКИРДА И НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ. КАДР ИЗ КАРТИНЫ «СВЕТ ДАЛЁКОЙ ЗВЕЗДЫ». «МОСФИЛЬМ». 1964

человеком. Настоящий человек-глыба. Он сыграл огромную роль в моей жизни — и в творческом плане, и духовном. Мне с ним было очень интересно. И потом не забывайте: мы встретились, когда оба переживали тяжёлый кризис в личной жизни, и буквально спасли друг друга.

— Вас не пугала его скандальная «слава Ивана Грозного»?

— Последние годы на Ивана Александровича наговаривают невесты: что: и такой, и сякой, и «невоздержанный хам, одиозная личность», и «играючи ломал актёрские судьбы», «несогласных стирал в порошок»... Поверьте, это всё легенды! Я снималась у него в двух картинах и могу сказать, что более тихого, нежного и деликатного режиссёра я в своей жизни не встречала. Ко всем актёрам он относился как к божествам! А все так называемые жертвы Пырёва... Если разобраться хорошенько, честно, положить руку на сердце, то они сами виноваты в своей изломанной судьбе.

— Наверняка по поводу вашего брака шептались за спиной, ходили разговоры, что вы его женили на себе из корыстных побуждений...

— Конечно, ходили! Когда Иван Александрович умер, многие были уверены, что я «добилась своего — завладела несметными сокровищами Пырёва и стала миллионершей». Хотя на самом деле в тот момент у него на сберкнижке было всего то ли 11, то ли 17 рублей. Он же ничего не копил, а помогал очень многим.

Между тем официально оформить наши отношения нам долго не удавалось — три с половиной года Марина Алексеевна не давала развода. Но я на это не обращала внимания абсолютно. Более того, горжусь тем, что первой в СССР пренебрегла общественным мнением и поступила так, как мне подсказывало сердце. Я никогда не требовала от Пырёва, чтобы он побыстрее оформил наши отношения в ЗАГСе — это была его инициатива, именно он на этом настаивал. Мы появлялись с ним в Кремле на приёмах, он представлял меня как жену. Мне нежно целовали руку члены Политбюро ЦК Михаил Андреевич Суслов и Пётр Нилович Демичев. И жили мы с ним все эти шесть лет прекрасно, полноценной семьёй. Я была предана ему искренне, всецело, и ни разу не пожалела о том, что вышла за него.

— В феврале исполнилось 50 лет, как не стало Пырёва. От чего он умер?

— Иван Александрович скончался внезапно — остановилось сердце во сне. Потому что всю жизнь работал на износ, не щадя себя.

РАДА ВОЛШАНИНОВА (В РОЛИ ЦЫГАНКИ) И ЛИОНЕЛЛА СКИРДА (СПРАВА — В РОЛИ ГРУШЕНЬКИ) В ФИЛЬМЕ ИВАНА ПЫРЁВА, КИРИЛЛА ЛАВРОВА И МИХАИЛА УЛЬЯНОВА «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

ДЛЯ ВЫСОЦКОГО ПОЩЁЧИН НЕ ЖАЛЕЛА

— Лионелла Ивановна, если честно, за свою жизнь многим мужчинам вскружили голову, разбили сердце?

— Без ложной скромности скажу, что, когда вышел фильм «Братья Карамазовы», мужчины смотрели на меня с восхищением.

— Вам дважды довелось сыграть роль возлюбленной героев Владимира Высоцкого. Это яркая страница вашей кинокарьеры?

— Я знала Володю ещё со студенческих времён — он учился в Школе-студии МХАТ, жил рядом на 1-й Мещанской и частенько ошивался у нас в общежитии. Это наше студенческое общежитие (между прочим, бывшие царские казармы) напоминало проходной двор. Там же обитали мои однокурсники — знаменитый Ихтиандр Володя Коренев и ныне, к сожалению, покойный Юра Васильев, сыгравший оператора Рудольфа в картине «Москва слезам не верит». Жили мы очень весело — тогда все играли на гитарах, сочиняли, пели. Иногда и Высоцкий встречал со своими блатными песнями, которые у нас успеха не имели. Нам же романсы подавай! Я очень поздно узнала, что он поэт, бард. Году в 1964-м случайно у Михаила Шатрова на дне рождения услышала какую-то песню, спросила: «Что это?» «Как? Ты не знаешь? Это же Высоцкий!» А в 1968-м нас пригласили сниматься в фильме «Хозяин тайги».

— Что больше всего запомнилось?

— Финал снимался в очень трудных условиях: быстрая речка, я на ходу должна была выпрыгнуть из лодки и дать Высоцкому пощёчину. Сцену мы репетировали долго и нудно — у меня никак не получалось вцепиться как следует. Дублей было сделано не считано. Режиссёр Владимир Назаров кричит: «Плохо! Ты к-а-ак врежь ему по морде!» Наконец у меня получилось. Потом Володя подошёл и так шутя сказал: «Смотри, Линочка, я тебе как-нибудь отомщу». И точно! Через год мы снимались с ним у Георгия Юнгвальда-Хилькевича в «Опасных гастролях». И надо же так случиться, что там по сценарию всё наоборот: герой Высоцкого даёт пощёчину моей героине. Володя всё веселился: «По-моему, я эту сцену запарол!» Режиссёр кричит: «Стоп, хватит!» А он: «Давайте снимем ещё дубль!» И дублей тоже было предостаточно.

— Потом ходили слухи, что он за вами ухаживал. Было?

— Нет. Тогда с ним на съёмках была Марина Влади, и ему было вообще ни до чего.

«И Я ВЫБРАЛА ДЛЯ СЕБЯ ДОМ, СЕМЬЮ»

— Как получилось, что жизнь вас с Олегом Стриженовым снова свела?

— После смерти Ивана Александровича я много работала — часто

ездил с «Братьями Карамазовыми» за границу, с творческими встречами гастролировала по стране. Даже случайно пересекаясь на кинофестивалях, мы с Олегом, как правило, только сухо здоровались и расходились в разные стороны. Я знала, что он давно развёлся и с первой женой — Марианной, и со второй — актрисой Любовью Земляничиной.

Когда в 1975 году я узнала, что Стриженов — мой партнёр по фильму Петра Тодоровского «Последняя жертва», хотела отказаться. Но сдержалась, хотя нервничала, конечно. С момента нашего расставания прошло 13 лет! Мы нормально отыграли совместную сцену, и практически сразу стало понятно, что наши чувства никуда за это время не ушли. И тем не менее ему пришлось ещё меня добиваться. На все его попытки сделать мне предложение я отшучивалась. А потом в один прекрасный день Олег пришёл на озвучивание, опустился на колени и при Петре Ефимовиче Тодоровском и всей съёмочной группе сказал: «Лина! Я делаю тебе официальное предложение. Выходи за меня замуж!» Конечно, это произвело на меня сильное впечатление!

— Вы в этот момент были замужем?

— Да, как раз в тот момент был у меня брак, но не очень удачный, всё шло к разводу. Поэтому я тут же согласилась... Поняла, что мы просто созданы друг для друга и нам на небесах предназначено быть вместе. Жизнь это подтвердила. 12 ноября 1976 года мы официально расписались и с тех пор неразлучны уже 41 год. Хотя близко знакомы более 55.

— Почему вы ушли из профессии?

— Когда мы поженились, мне было уже 38 лет, Олегу Александровичу — 47. И я отлично понимала, что таких ролей, как Грушенька в «Братьях Карамазовых», Софи в «Опасных гастролях» или графиня Круглая в «Последней жертве», у меня больше не будет. А снижать уровень — какой смысл? И потом я считаю, что в семье не должно быть двух «звёзд», людей с большими профессиональными амбициями, встречающихся урывками — в краткие перерывы между съёмками. Это в корне неверно. И я выбрала для себя дом, семью. Всегда отдавала себе отчёт в том, кто такой Олег Александрович Стриженов. Решила посвятить этому человеку свою жизнь. Обеспечить надёжный тыл, уют.

— Вас с мужем давно не встретишь даже на кинофестивалях, живёте обособленно, закрыто. На что живёте и чем сегодня наполнена ваша жизнь?

— Всё, что вы видите в этой квартире, нажито и появилось здесь ещё при советской власти, до перестройки. Раньше я задумывалась: хочу я это купить или не хочу, а сейчас — могу или нет. Мы не курим, алкоголя не пьём, в круизы не ездим. От личного автотранспорта отказались ещё в середине 1980-х.

Живём достаточно скромно — на пенсию (муж получает ещё президентскую надбавку). Но нам друг с другом никогда не бывает скучно. Подруг у меня мало, по сути, всего одна — актриса Наталья Фатеева. Но я всегда говорю, что самая большая моя подруга — Олег Александрович. Детей у нас нет, поэтому наша семья — это семья его сына Саши, известного режиссёра и телеведущего. Всё свободное время мы с удовольствием общаемся с ними и их с Катей Стриженовой детьми — внуками Олега Александровича. Вместе отмечаем все дни рождения, праздники.

— Считается, что ваш союз — один из самых «звёздных» и красивых в нашем кинематографе? Что-нибудь можете к этому добавить?

— Что он ещё один из самых долгих и романтических. Когда несколько лет назад я рассказала нашу историю Виктории Токаревой, она воскликнула: «Этот роман я обязательно должна написать!» На что мы с Олегом ответили: «Мы его напишем сами!»

СЕМЬЯ СТРИЖЕНОВЫХ: АЛЕКСАНДР, ЕКАТЕРИНА, ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ С СУПРУГОЙ ЛИОНЕЛЛОЙ ИВАНОВНОЙ, АЛЕКСАНДРА (НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ) НА ВРУЧЕНИИ ПРЕМИИ «ЗОЛОТОЙ ОРЁЛ». ЯНВАРЬ 2010

Город Хламида

123 года назад в городе Самаре появился репортёр Иегудиил Хламида, впоследствии избравший себе другой литературный псевдоним – Максим Горький

Алексей МИТРОФАНОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Борис Пастернак писал об этом городе: «Самара... лучший, греховнейший, элегантнейший и благоустроеннейший кусок Москвы, выхваченный и пересаженный на берега Волги. Прямые асфальтированные бесконечные улицы, электричество, трамвай, витрины, кафе, лифты, отели на трёх союзных языках с английской облицовкой, книжные магазины и т.д. Дороговизна ужасная».

Именно в этот город 22 февраля 1895 года прибыл начинающий репортёр и литератор Иегудиил Хламида. Прибыл, осмотрелся и вынес вердикт: «Самара – город, преданный анафеме».

Иегудиил Хламида – специальный, самарский псевдоним Максима Горького. Псевдоним, надо сказать, краткосрочный – Горький прожил в Самаре чуть больше года и более нигде так не подписывался. Видимо, наигрался. Да и неудобств от этого прозвания было с лихвой. Оно даже помешало Горькому устроиться здесь, на Средней Волге, своё семейное счастье. Влюбился в барышню, сделал предложение руки и сердца – вроде бы всё было на мази. Отец же избранницы напрочь отказался выдавать свою любимую и единственную дочку за «какую-то хламиду».

Так или иначе, но именно здесь Максим Горький написал «На плотях», рассказ «Старуха Изергиль», «Однажды осенью» и множество других своих произведений, опубликовал знаменитую «Песню о Соколе». Можно сказать, что именно в Самаре он сформировался как писатель.

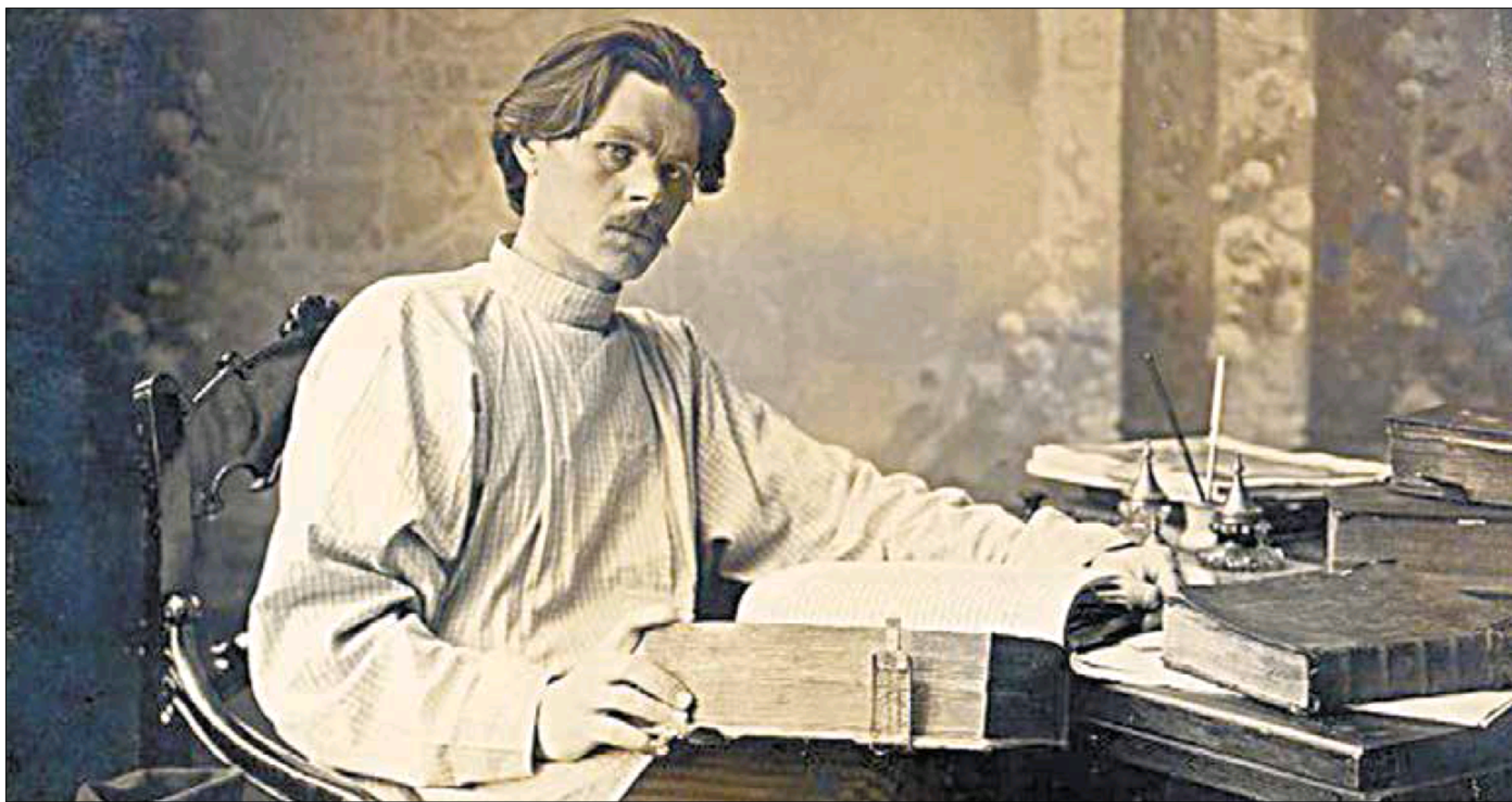
ИСТОРИИ С КАЛОШЕЙ

Горький поселился в доме №91 по нынешней улице Куйбышева, а тогда Дворянской. Один самарский журналист по фамилии Смирнов вспоминал о нём: «Высокий, плечистый, слегка сутулый, он неумоимо шагал по пыльным улицам, грязноватым базарным площадям, заходил в трактиры и пивнушки, заглядывал в окна магазинов и раскрытые двери лавчонок, словом, толкался среди пёстрой толпы и нарядной «публики», всюду как бы глядя в глаза «гушу жизни» и прислушиваясь к её гомону и крикам... Встречных, особенно «из господ», удивлял его разношёрстный сборный костюм... Странный парень забирался в окрестности города, на дачи, переправлялся на «тот бок» Волги, в Рождествено, всюду суя свой острый, с чётко вырезанными ноздрями нос... Высоко поднятые брови морщили лоб и придавали широкоскулому, серому, без кровинки, лицу слегка удивлённое выражение».

Его безудержно тянуло к знаниям – он пропадал в библиотеке. Это была одна из старейших провинциальных библиотек России. Основанная в 1859 году, она к тому времени насчитывала 36 тысяч томов – фонд для русской глубинки немалый. Но опять же нравы, нравы.

Сохранились воспоминания о том, что, когда Иегудиил Хламида явился сюда впервые, он был подвержен жесто-

SAMITMUS.RU

кому прессингу. Только сел, как сразу получил удар по голове. Ударивший же с возмущением произнёс: «Позвольте, милостивый государь, вы сели на мою книгу!»

Смущённый Иегудиил вскочил, другой же господин, в ту же секунду плюхнувшись на освободившееся место, с удовольствием крутил Хламиду «длинный нос». Так самарская читающая публика боролась за места в библиотеке.

Горький наконец нашёл себе другое место, но сразу же выяснилось, что он сел в витрину, а не в кресло. Отчаявшись, он решил покинуть библиотеку, при этом обнаружив, что какой-то господин в тёмной прихожей пытается засунуть ногу в его шляпу, думая, что это калоша. Собственных же калош несостоявшийся читатель не обнаружил. Приглашённый на помощь смотритель прихожей, как ни в чём не бывало, пояснил: «Не волнуйтесь, я их положил в карман вашего пальто. Чтобы не потерялись».

Горький впоследствии писал о Самаре: «У ней есть прекрасная библиотека с каталогом книг, составленным с такой сверхчеловеческой ловкостью, что вы, отыскивая нужную вам книгу, подвергаетесь риску убить на это дело всю вашу молодость, если вы молоды, или проистокать книгу до дня вашей смерти, если вам уже лет сорок». Об истории с калошей будущий писатель не упоминал, что в общем-то вполне понятно.

ТРУППА ЛЮДЕЙ

Одним из главных увлечений Горького – как и впоследствии, на протяжении всей жизни – был театр. Алексей Максимович старался по возможности бывать там каждый вечер. Премьеры-то уж точно старался не пропускать. Тем более что каждое посещение театра заканчивалось публикацией, а публикация – гонораром.

Театр был под стать городу. Одно название что драматический – а на самом деле походил на некое собрание увлечённых комиков. Курьёз был неизменной составляющей программы. В частности, в одном спектакле по пьесе Афиногенова «Страх» была задействована вся элита здешней труппы – Симонов, Киселёв

и Мартынов. В какой-то момент на сцене появляется одна из актрис. Сидящий в кресле Мартынов пытается встать, но у него ничего не выходит – мебельщик сменил кресло на меньшее, и оно прочно укрепилося на филейной части развешенной примы. Мартынов поднимается вместе с креслом, пытается его стряхнуть, у него ничего не выходит – в зале смех, вся патетическая сцена насмарку. Бедная актриса убегает за кулисы, за ней, не в силах перестать смеяться, убегает Киселёв. Мартынов же пытается, как ни в чём не бывало, произнести свой монолог, но от этого становится только хуже – сместившаяся от хохота вставная челюсть Мартынова с фырканьем и грохотом выскакивает изо рта. В зале истерика. Занавес.

Сам же Горький писал: «Ещё в городе есть театр, красное здание очень занимательного архитектурного стиля, напоминающего о тех игрушечных картонных домиках, которые делают бедные вдовы для продажи детям».

В этом театре в узаконенное время играет труппа людей, более или менее смело называющих себя артистами. В истекший сезон некоторые монстры, никому не известные как артисты, но вполне обладавшие смелостью, достаточной для того, чтобы изображать из себя артистов, переряжаясь в разнообразные костюмы и в них выступая перед публикой, произносили разные слова, из чего самарская публика несколько поспешно и с большим добродушием заключила, что это они «играют». Они благополучно играли с публикой и авторами пьес почти весь сезон, затем один из них поссорился с антрепренёршей, не уступившей его желанию дважды получить с неё одни и те же деньги, и потом они скрылись, не особенно надоев городу, что вышло только потому, что сезон был очень краток. Когда они уезжали, никто не плакал о них, кроме нескольких психопатов и, быть может, ещё квартирохозяев этих господ, если эти господа не заплатили им денег».

Впрочем, здешний цирк был ещё хуже. Назывался он «Олимп», но, несмотря на пафосное имя, впечатление произво-

дил отталкивающее. Когда сюда прибыл с гастролями Фёдор Шалапин и увидел, где ему предстоит выступать, заявил категорически: «Я в конюшне петь не буду». Правда, спел всё равно – ведь гонорар значительно приятнее, чем неустойка.

КОГДА ВОЛГА УДЕРЁТ ОТ САМАРЫ

Тянуло Горького – ясное дело – к Волге. Один из современников писал: «Что в Самаре хорошо, интересно в художественном отношении – это Волга, а главное – пристань... Какая масса судов, и страшно разнообразных! – и носовые, которые мне нравятся более других, беляны, баржи, барки, дощанки, кладушки, рыбницы, просто лодки, завозки и т.д. – всё это крайне живописно, а также люди, какие типы, какие костюмы, какие фигуры! Везде жизнь, движение, суета... Крик, шум, завывание торговков и торговцев, свист пароходов, музыка, песни, весь этот невообразимый хаос поражает».

Удивительно, но это место чуть ли не единственное в городе, которое обошло стороною перо язвительного Иегудиила Хламида. Сам будучи средневолжских корней, он испытывал восторг, когда оказывался там, среди привычной стихии – по делам или же просто прогуляться. Тем более что выбранная Максимом Горьким профессия позволяла ему совмещать приятное с полезным. Больше того, наш герой, когда писал о Самаре, отмечал надёжность именно этого объекта городской инфраструктуры: «У ней есть каменная набережная, построенная для защиты города от надвигающейся на него песчаной косы. Эта здоровая стена из камня достаточно тверда, и я уверен, что она неподвижно будет стоять на своём месте и тогда, когда пароходные общества, убегая от налагаемой на них городом береговой контрибуции, переведут свои пристани в Рождествено... и тогда, когда сама Волга удерёт от Самары».

Впрочем, этого по сей день не случилось и, смею предположить, не случится и впредь.

Зима на Заречной улице

Герои Геннадия Юхтина брали Зимний, строили города, усыновляли сирот, шли врукопашную, расписывались на Рейхстаге и погибали ради светлого будущего

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Актёр театра и кино Юхтин. По модной нынче терминологии — звезда таких культовых советских картин, как «Весна на Заречной улице», «Дело Румянцева», «Баллада о солдате», «Неуловимые мстители»... Многие десятилетия даже коллеги по театру и съёмкам (уж не говоря о зрителях!) знают его как Геннадия, хотя в паспорте совсем другое имя. Чёрным по белому: «Гений Гаврилович Юхтин». Гений — ни больше ни меньше! «Раньше частенько режиссёры возмущались, — смеётся 86-летний актёр. — Мол, в фильме снимается Геннадий, а деньги выписываем на Гения...»

О его типаже ещё знаменитый режиссёр Иосиф Хейфиц очень точно сказал: «Свой парень, человек из трамвайного депо». Юхтин чаще всего и играл таких ребят — простых работяг да инженеров из народа, людей кристально честных, романтиков, правдолюбів и патриотов. Его герои шли врукопашную и брали неприступные высоты, расписывались на Рейхстаге, усыновляли сирот, совершали подвиги и погибали ради счастья и светлого завтра других. Их любили целые поколения зрителей, на них старались походить.

А чем не подвиг его актёрская судьба? С одной стороны — героические родители: потерявший здоровье в борьбе за коллективизацию отец — самарский пролетарий Гаврила Васильевич Юхтин, крестьянская дочь и комиссар политотдела Военно-медицинской академии — мать, Раиса Михайловна. В семейном архиве есть фотографии, где она стоит среди участниц Всесоюзного совещания женщин-ударниц в Кремле рядом со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и другими членами правительства. С другой — рано оставшийся сиротой детдомовский мальчишка... И вдруг такой «гениальный сюжет»: стал популярнейшим актёром, сыгравшим более 200 ролей только в кино, не считая работ театральных!

МОГ СГНИТЬ В ТЮРЬМЕ

— Геннадий Гаврилович, героями не рождаются — ими становятся, это понятно. Как же это вас угораздило родиться Гением?

— (Смеётся.) Так уж родители решили. Они были молодыми коммунистами и соответствовали эпохе. Тогда же многие называли своих детей Индустриями, Ноябрьнами, Марксленами, Сталинами — считали, видимо, что с такими именами детей ждёт особенная судьба в стране со светлым будущим. Вот и мои мама с папой назвали возможным мою старшую сестру назвать Идеей, а меня — Гением, чтобы я потом всю жизнь мучился.

— Интересно, с каких пор вы это начали скрывать от окружающих?

— Так я же сам долгое время не знал своего настоящего имени. Во дворе и потом в детдоме все звали меня Гена. Первый казус произошёл, когда я пришёл поступать в вуз. В аттестате было написано одно имя, а в паспорте другое, и документы не хотели принимать, пока я «не определюсь». Хорошо, что педаго-

ГЕННАДИЙ ЮХТИН В РОЛИ СОЛДАТА МУХИНА В ИСТОРИЧЕСКОМ ФИЛЬМЕ СЕРГЕЯ ЮТКЕВИЧА «РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ». «МОСФИЛЬМ». 1957

ВГИКа не были формалистами. Кстати, не я один был такой «оригинал» на курсе — со мной учились Руфина, Изольда, Майя, Астрида, Данута, Альфред, Артур, Нинель... Что ни абитуриент, то «именная» родительская фантазия!

— В одной из своих книг вы, описывая своё детство, не очень-то щадите себя: мол, запросто мог стать вором, сгнить в тюрьме, как многие дворовые дружки. Всё так?

— Всё чистая правда! Мне было десять лет, когда мама погибла, отец умер от ран и туберкулёза. Без родительской опеки я рос шалопутным, подверженным влиянию двора. Не был заводилой, но чудил много. Дружил с ворами, налёточиками. Они меня брали на «дела», где я был вынужден доказывать, что не трус. В результате попал в исправительную колонию, где обстановка была точь-в-точь как в воровской «малине» из фильма «Путёвка в жизнь». Бежал оттуда... Да и потом убежал из детдомов, потому что далеко не везде были нормальные условия: жестокие педагоги, сами ребята — маленькие преступники, пили, кололись наркотиками, воровали, могли и убить запросто. Ух, сколько было шансов пойти по скользкой дорожке, опуститься на самое дно, но обстоятельства и добрые люди спасали. К счастью, в конце концов я оказался в Поволжье, попал в детский дом, где нашёл и друга на всю жизнь, и будущую профессию.

— Первоначально вы хотели пойти в военные. Что поспособствовало выбору в пользу ВГИКа?

— Дело в том, что в детдоме, как говорится, не спрашивают, кем ты хочешь быть, и в 1943-м меня направили в

Самарское суворовское училище, где я не прошёл комиссию по зрению... А выбору поспособствовало то, что у нас в детдоме были очень хорошие педагоги. Наш директор — Георгий Васильевич Гасилов — был учеником и последователем Макаренки, одна из воспитательниц — Елена Павловна, бывшая актриса — приобщила нас к самостоятельности, привила любовь к чтению и хорошей литературе. Именно её слова, сказанные однажды, стали девизом всей моей жизни: «Запомни! Никто ничего не сделает за тебя. Ты всё должен делать сам!» Мы ставили спектакли, участвовали в костюмированных балах, выпускали стенгазету, ходили в турпоходы на Кавказ и в Крым. Ну и кино, конечно, очень сильно на меня повлияло — я не пропускал ни одной картины! Словом, получив аттестат зрелости, я не очень-то долго раздумывал — ноги сами меня привели во ВГИК.

— В тот год в свою мастерскую набирали студентов Ольгу Ивановна Пыжова и Борис Владимирович Бибики. Желая попасть к ним была тьма-тьмущая — около 800 человек на место.

— Даже не знаю, что мне помогло поступить, — чудо, не иначе. Когда на следующий день после экзаменов вывели список поступивших и я увидел в нём свою фамилию, клянусь, глазам не поверил. Ведь это были легендарные педагоги! Именно они воспитали и выпустили Клару Лучко, Любовь Соколову, Нонну Мордюкову, Вячеслава Тихонова, Сергея Гурзо, Леонида Куравлёва... Причём и наш курс был будь здоров: будущие звёзды советского экрана и сцены Татьяна Конюхова, Руфина Нифонтова, Надя Румянцева, Юрий

Белов, Изольда Извицкая, Майя Булгакова... Ярчайшие личности. К сожалению, у многих судьбы сложились трагически.

— Если не ошибаюсь, вашим кинодебютом стала эпохальная лента Иосифа Хейфица «Дело Румянцева».

— Не совсем так. После ВГИКа весь наш курс сразу же зачислили в штат московского Театра киноактёра, и очень многих расхватали режиссёры. И в какой-то момент у меня появилось сразу два варианта: ехать в уральский город Кунгур на съёмки фильма «Чужая родня» или в Ленинград — пробоваться на роль шофёра Евдокимова в «Дело Румянцева». Роль этого шофёра мне сразу приглянулась, тем более что по сценарию он усыновляет детдомовца — Сашку... Как будто для меня написана! Но, взвесив все за и против, подумал: всё-таки в «Чужую родню» я уже утверждён, а тут только пробы... К тому же прошёл слух, что на эту роль претендует сам Пётр Мартынович Алейников. И я поехал в Кунгур. Два прекрасных месяца снимался в компании с совсем ещё юными Нонной Мордюковой и Николаем Рыбниковым. Ну а когда съёмки «Чужой родни» переместились в Ленинград, вдруг оказалось, что роль шофёра Евдокимова в «Деле Румянцева» все ещё вакантна. И Иосиф Хейфиц предложил её мне.

— Вскоре после премьеры фотография вашего героя украсила обложку журнала «Искусство кино», а прокат картины побил все рекорды. Что ощущали?

— Да счастье величайшее плюс везение невероятное! Потому что начинать с положительной, очень выигрышной роли — это мечта любого молодого артиста. Не будь её, не знаю, как бы дальше сложилась моя судьба, ведь в те годы картин снималось мало. И, возможно, мне бы не посчастливилось сыграть в

“ Геннадий Юхтин: «Никто ничего не сделает за тебя. Ты всё должен делать сам!»

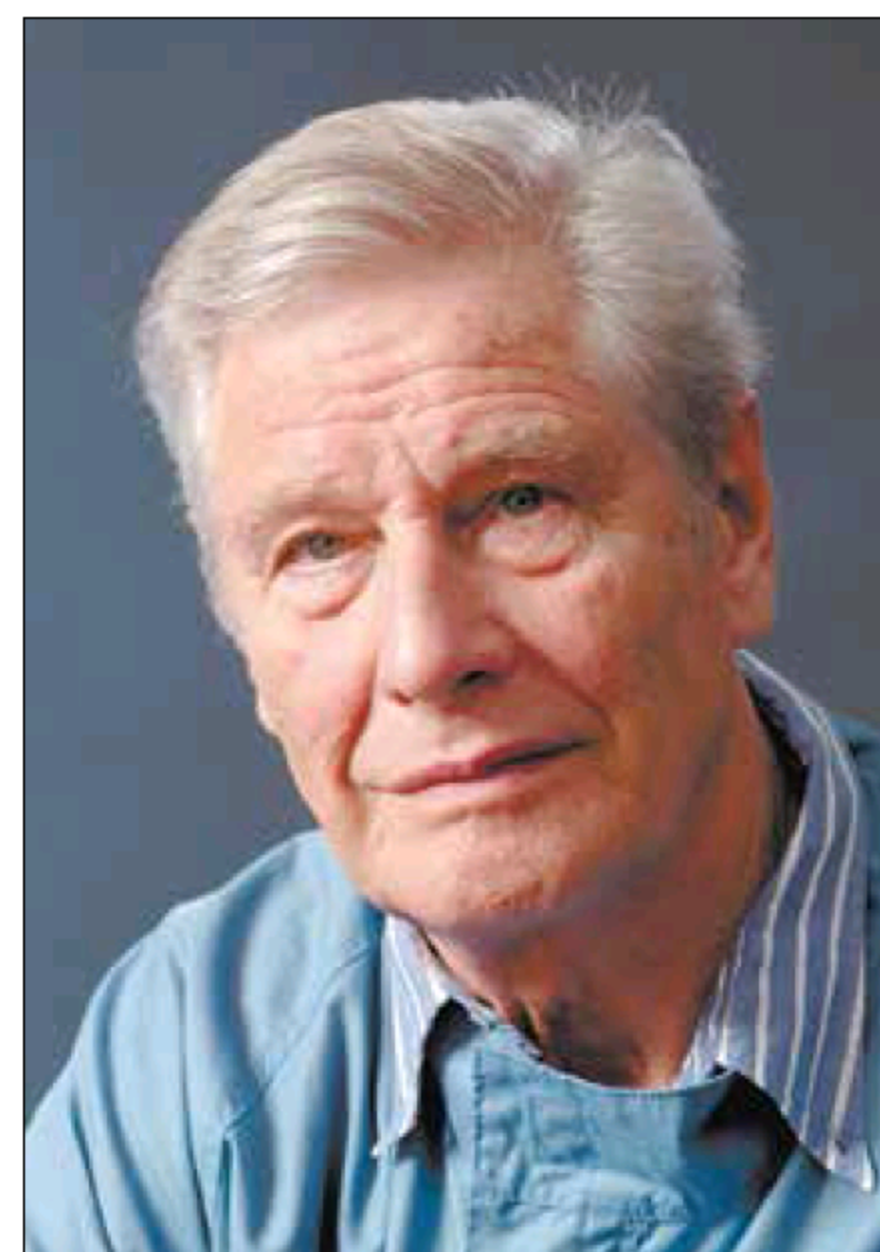

В РОЛИ ФЕРДИНАНДА В СПЕКТАКЛЕ ТЕАТРА КИНОАКТЁРА «ПОХИЩЕНИЕ ЭЛЕН». 2009

— Экранное время моего героя — всего 7 минут. Он просит главного героя Алёшу Скворцова, получившего за подвиг шесть дней отпуска, передать его жене ценный подарок с фронта — мыло... По сути, небольшой эпизод. Но, понимаете, в эпизоде и ответственности больше: его если провалишь, то уже ничем не помочь. В данном случае проявилось одно из моих профессиональных качеств — сыграть так, что увиденное накрепко врежется в память. В «Балладе о солдате» моего героя давно уже нет на экране, но главный персонаж везёт через весь фильм «его мыло».

— По-вашему, в чём феномен популярности фильма «Весна на Заречной улице», без показа которой до сих пор не обходится ни один праздник?

— Я хорошо помню, как эту картину то закрывали, то «в серости» обвиняли. Что интересно: когда её всё же выпустили, «Весна...» поначалу не была принята зрителем, но с каждым годом всё больше набирала популярность. За счёт чего? Тогда мы играли самих себя, практически без грима, играли наше время, наше поколение. Почему до сих пор с теплотой вспоминают «Дело Румянцева», «Весну на Заречной улице»? Потому что на фоне послевоенного искусства, очень вымученного, стилизованного, зажатого в узкие цензурные рамки и оттого лакированного, в этих картинах были воздух, естественность, искренность, правда жизни. И конфликтов нет надуманных. Редактор, помню, возмущался: «Что за мораль в «Весне...»? Не хочу учиться, хочу жениться!» Удалось отстоять сценарий — и фильм оказался близок зрителю.

ГЕННАДИЙ ЮТИН, НУЛЕВЫЕ ГОДЫ

“ Однажды для большей достоверности режиссёр с оператором решили увеличить мощность взрывов. В результате с контузией попал в больницу

С НИНОЙ ИВАНОВОЙ В МЕЛОДРАМЕ «ВЕСНА НА ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ». ОДЕССКАЯ КИНОСТУДИЯ. 1956

— Кстати, перед одним из юбилеев картины мои коллеги отыскиали Нину Иванову, исполнительницу главной роли в «Весне на Заречной улице», но она общаться отказалась наотрез. Как думаете, почему?

— Нина впервые снялась в кино совсем ребёнком — в популярной в те годы ленте Виктора Эйсымонта «Жила-была девочка», была на учёте в картотеке. Но она была непрофессиональной артисткой, и у неё никогда не было того, что в актёре важно, — отдать профессии всё, что ты можешь, и для этого вытерпеть всё. А это же жуткое дело! Моё мнение: Нина не выдержала славы «какой-то непонятной», нахлынувшей на неё, как тайфун. Вышла замуж за одного из двух операторов, снимавших «Весну...», — Радомира Василевского. Муж сам стал режиссёром и, видимо, не очень успешным. Он снял Нину в главной роли в фильме «Киевлянка» на Киностудии имени Довженко, но картина провалилась в прокате с треском и, как мне кажется, её надломила. Потом они разошлись... Мы с ней пару раз созванивались, приглашали её на встречи, и Нина в конце концов сказала: «Больше не звони, я о кино забыла!» Вот такая тоже судьба киношная... Хотя если бы она родилась актрисой, то вот эта ступень, на которую она взлетела, сыграв роль учительницы, могла её вознести очень высоко. В кадре она была естественна и

«Балладе о солдате», «Весне на Заречной улице»...

— В «Балладе о солдате» впервые засверкала целая плеяда актёрских талантов...

— Мало кто знает, что на главные роли в эту картину Чухрай поначалу пригласил молодых звёзд того времени — 30-летнего Олега Стриженова, уже блестяще сыгравшего белогвардейского офицера в его картине «Сорок первый», и 25-летнюю Лилиану Алёшникову. Но, начав съёмки, Чухрай понял, что совершил ошибку: присутствие звезды зрителя отвлекает, тем более что по сценарию героям по 18 лет, а Стриженов с Алёшниковой на столь юных никак не тянули... В какой-то момент съёмки зашли в тупик. И тут на помощь пришёл его величество случай, пусть и не совсем счастливый. Чухрай в серьёзной автоаварии сломал ногу, попал в больницу, и у него появилось время ещё раз подумать о сценарии и артистах. В результате он взял из ВГИКа никому не ведомых студентов Володю Ивашова и Жанну Прохоренко. А «для поддержки» пригласил известных артистов — Урбанского, Юматова, Леждей... Фильм сразу заиграл другими красками! Получил главный приз на Всесоюзном кинофестивале, специальный приз жюри на Международном Каннском фестивале. Невероятный триумф!

— И ваша роль, хоть и небольшая, но вышла очень яркая.

ГЕННАДИЙ ЮТИН В РОЛИ СЕРЁЖКИ. КАДР ИЗ ФИЛЬМА ВЛАДИМИРА БРАУНА «МАЛЬВА». КИНОСТУДИЯ ИМ. АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО. 1956

гармонична, как кошка — это тоже своего рода талант.

«А ВДОЛЬ ДОРОГИ МЁРТВЫЕ С КОСАМИ СТОЯТ. И ТИШИНА...»

— Говорят, Эдмонд Кеосаян уговаривал вас на роль Лютого в «Неуловимых мстителях», но вас смутило обилие сцен со скачками...

— Ничего подобного! Я же с детства с лошадьми на «ты» и с юных лет был прекрасным наездником — это для меня не проблема. А причина моего отказа была в том, что я был занят в другом фильме. Но и поработать с молодым режиссёром очень хотелось. Кеосаян лихой был мастер, профессионал, одно слово — ученик Герасимова. Вот я и попросился на небольшую роль денщика Лютого — дяди Игната.

— Роль-то тоже получилась запоминающаяся.

— Она могла быть ещё интереснее. Но на съёмки приходилось приезжать урывками, и это сказалось. Сейчас это кажется невероятным, но только одну нашу ночную сцену у костра, когда бурнаши пекут картошку, а герой Савелия Крамарова рассказывает свою байку: «А вдоль дороги мёртвые с косами стоят. И тишина...» — оператор Добронравов переснимал 15 (!) раз, буквально над каждым кадром «колдовал».

— Зачем?

— Добивался абсолютного совпадения цветовых тонкостей. И, надо отдать ему должное, добился своего, потому что цветовое решение фильма получилось настолько сочное, что при увеличенном переводе с широкоэкранного варианта на широкоформатный не было никакого искажения. Очень сильно было снято!

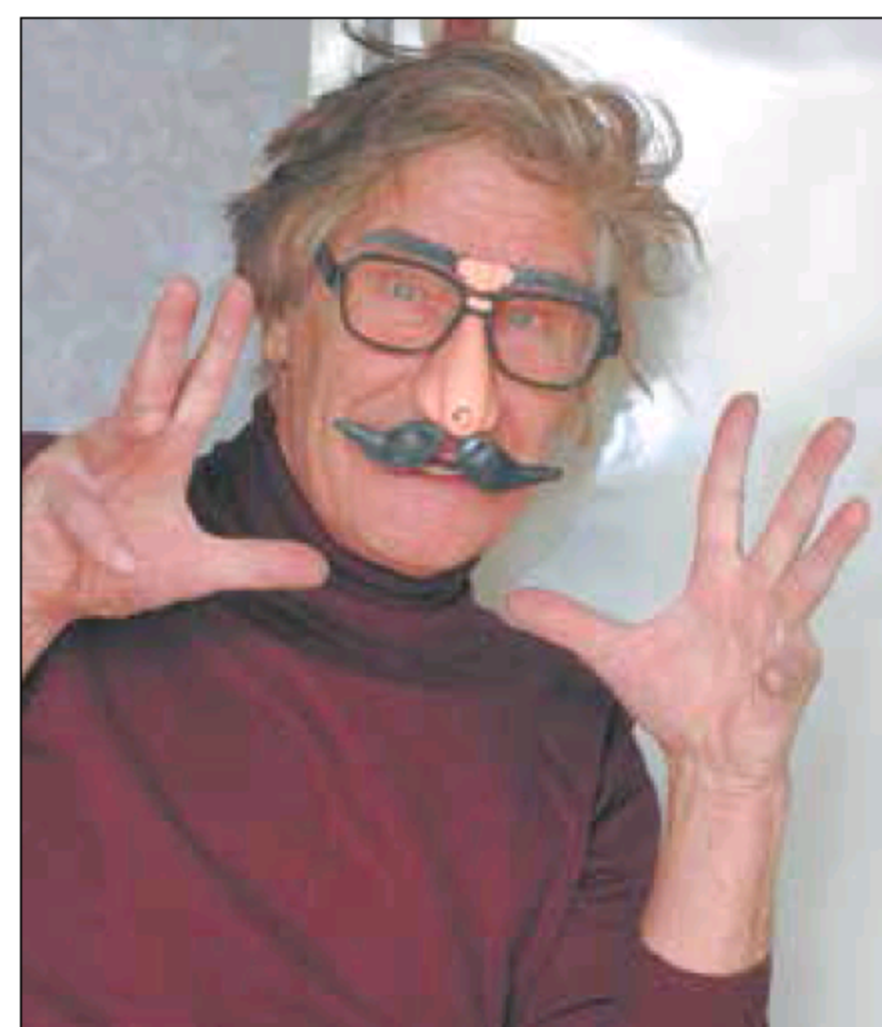
— Лента первоначально называлась «Красные дьяволята». Правда, что Кеосаян назначил приз — ящик коньяка — тому, кто придумает более классное название, и этот приз выиграли вы?

— Я не помню точно, какой был напиток, но он своё обещание выполнил, и вся съёмочная группа бурно отметила это событие, невзирая на возраст — уча-

ствовали и Витя Косых с друзьями, и все остальные. Хотя особой заслуги моей здесь нет. Тогда на наших экранах шли какие-то западные фильмы, где в названиях мелькало то про мстителей, то про неуловимых. Я и пошутил: «Давайте соединим». Соединили — и получилось «Неуловимые мстители». Между прочим, на этих съёмках меня по ошибке «пристрелили» дважды. Помните, моего персонажа Игната убивают за то, что тот упустил пленного «мстителя» Даньку. Атаман Гнат Бурнаш, которого играл Ефим Копелян, уже застрелил меня, я лежу буквально под копытами его коня. И вдруг у меня над ухом раздаётся ещё один выстрел — Копелян случайно ещё раз нажал на спусковой крючок маузера. От неожиданности меня, «мёртвого», буквально подбросило над землёй — это видно даже в кадре.

— Вы часто играли военных. Много раз «погибали»?

— Да ужас! Какими только изощрёнными способами меня ни «убивали» на съёмках. Причём были даже эпизоды, в которых я мог реально погибнуть. Помню, ходил в атаку дублей сто — на танке, на коне и пешим... Во время съёмки фильма «Жаворонок» я едва не остался без ноги — мне её чуть не переехали танком: в самую последнюю секунду успел убрать из-под гусеницы. Были случаи, когда подрывался на пиротехнических снарядах. Однажды, на съёмках картины «Гроза над Белой» для большей достоверности режиссёр с оператором решили мощность взрывов увеличить, да пороховой заряд не рассчитали. В результате взрывная волна сбила меня с ног! Я потерял сознание, с контузией попал в больницу. Хорошо, что оклемался... А

«ЧУВСТВО ЮМОРА ВОЗРАСТУ НЕ ПОМЕХА!»

С ВАСИЛИЕМ ЛАНОВЫМ И КОМПОЗИТОРОМ ЕВГЕНИЕМ ДОГОЙ

самое обидное, что этот кадр так и не вошёл в фильм!

— Зато в вашей карьере был случай, когда кино вам спасло жизнь. Верно?

— Да, действительно была полутрагическая история. Я попал под машину — чёрную «Волгу». Поднялся — вроде жив, цел, невредим. А когда шок прошёл, почувствовал себя плохо, вызвал скорую. В больнице врачи меня осмотрели и сказали: «Вам крупно повезло — переломов и тяжёлых травм нет. Хотя после такого удара могли остаться инвалидом!» И тут я вспомнил про свою сумку через плечо, в которую пришёлся удар бампером «Волги». Там лежала металлическая коробка — с фильмом «Весна на Заречной улице». Она-то и амортизировала удар!

ЖУРАВЛИ УЛЕТЕЛИ

— Ваш конёк — социальный герой, свой в доску парень. Признайтесь: на самом деле наверняка втайне мечтали сыграть...

— Героя-любownika? Знаете, одного известного актёра на творческом вечере спросили: «Вы по-настоящему целуетесь в кино?» Он ответил: «А что делать? Мне же за это деньги платят». «Непыльная у вас работёнка!» — выкрикнули из зала. Если честно, конечно, и я мечтал сниматься в романтический ленте — с поцелуями, красивыми постельными сценами и прочими любовными проявлениями. Но советское кино было, мягко говоря, целомудреннее, чем сейчас. Да и далёк я от героического амплуа. Только однажды меня пригласили в мелодраму «Любовь Серафима Фролова», где по сценарию был, скажем так, лёгкий «эротический» подтекст. Там сюжет такой: моего героя Ромку из-за инвалидности на фронт не взяли, а его жена с боями дошла до самого Берлина.

Отвоевала, вернулась домой и застала меня, её мужа, с любовницей.

— Круто!

— Мою жену Анфису играла Лариса Лужина, любовницу — Тамара Сёмина... Анфиса миглом выхватывает солдатский ремень с металлической пряжкой и как начнёт им охаживать изменщика. Да ещё по голому телу! А ведь раньше снимали каждую сцену по несколько дублей. Так вот после первого дубля моё тело покрылось красными полосами, после второго — кровоподтёками, а потом и синяки пошли. В перерыве между дублями нашему мастеру по гриму каждый раз приходилось всё это припудривать и замазывать. И опять всё по новой! Помню, после просмотра этой наконец-то отснятой сцены Лариса Лужина так растрогалась, что даже попросила у меня прощения. Вот вам и «непыльная работёнка!» (Смеется.)

— В одном из интервью вы признались, что чуть ли не главной ошибкой в вашей карьере был отказ от съёмок в ленте «Летят журавли». Почему отказались?

— Потому что тогда я был молодой и глупый. Меня пригласили сыграть фронтового товарища персонажа Алексея Баталова. Я прочитал этот прекрасный сценарий — предложенная мне роль была очень интересная и заметная. Но буквально накануне я снялся с Баталовым в «Деле Румянцева», поэтому пришёл к режиссёру Калатозову и искренне поделился своими сомнениями: мол, не будет ли зритель отвлекаться от сюжета, вспоминая, где он раньше видел наш дуэт? Михаил Константинович меня выслушал, поблагодарил и... взял другого артиста. Потом, когда я увидел готовый фильм-шедевр, получивший «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля,

УЧАСТНИКИ XVI МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФОРУМА «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ» АКТЁРЫ ПАВЕЛ ВИННИК И ГЕННАДИЙ ЮХТИН. КИСЛОВОДСК. МАЙ 2007

признаюсь, я даже заплакал от обиды. Да, я смог бы сыграть не хуже, чем тот актёр, но я подумал о том, что скажут зрители...

— Не по-актёрски, выходит, поступили.

— Дело в том, что я, видимо, «плохой, неправильный артист» — не умею быть эгоистом, не умею себя рекламировать. А искусство — это рынок, в нём надо уметь себя показать и преподнести. Артисты испокон веков на рыночной бирже стоят — нас выбирают, заглядывают в зубы, как лошадям, щупают, особенно наших актрис любят за «мягкое место» потрогать. Потом из многих выбирают одного... Но не подумайте, что я недоволен своей судьбой. Совсем наоборот. Худо-бедно, но я всё время был в деле и за все эти годы не припомню ни одного периода простоя. Снимался как минимум в трёх картинах в год.

— Есть самые-самые дорогие и любимые?

— Прежде всего, конечно, это «Весна на Заречной улице», «Дело Румянцева» и «Баллада о солдате», давно признанные киноклассикой. Но я горжусь, что были в моей карьере такие фильмы, как «Акваланги на дне», «Полонез Огинского», «Третий тайм», «Остров сокровищ», «Сибиряда», «Петербургские тайны»...

— Многие актёры вашего поколения слишком рано ушли из жизни. Вы о них сказали: «ярчайшие личности, трагические судьбы». У вас есть собственное объяснение, почему?

— Многие вгиковцы, кому очень повезло в кино, сошли с экранов прежде времени, потому что испытание славой, к сожалению, выдерживают немногие. Кто запил, кто закутил, кто загулял. Одним не хватило мужества, другим — мастерства, третьим — упорства, четвёртые переоценили себя, пятые зазнались. Отказаться от соблазнов трудно, все лезут в друзья, предлагают выпить, если отказываешься — обижаются, мол, не уважаешь. Тут и женщины красивые, не самой высокой нравственности тебя окружают, потому что если ты популярный, значит, при деньгах. Выпил с друзьями, выпил с женщинами, а через полгода уже остановиться не можешь...

— С вами нечто подобное могло случиться?

— Нет. Я в сложные моменты жизни полагался на терпение — оно у меня с детства. Для меня творчество является самым важным в жизни. Если я сейчас не смогу полностью выкладываться в профессии, для меня это будет катастрофой.

— Как в «сумасшедшие» для кино и театра 90-е вам удалось не поддаться всеобщему отчаянию?

— Как? Деньги на сберкнижке сгорели, театр «бродил»... А у меня вся энергия уходила на строительство дома на дачном участке. Сам не знаю, откуда силы взялись! А то, что не впал в депрессию, как некоторые мои коллеги, так это просто у меня характер такой. Не могу сказать, что я, например, не напивался — было и такое, но даже в самые худшие годы я не искал спасения в алкоголе. А время было ужасное! Всякое бывало — жизнь меня не очень-то баловала, излишеств никаких не давала. Поэтому большую часть жизни мне приходилось доказывать свою способность противостоять всем препятствиям. «Никто ничего не сделает за тебя. Ты всё должен делать сам!» Главное — не отчаиваться, идти дальше. А ещё меня в тот сложный период здорово выручили съёмки в одном из наших первых сериалов — «Петербургские тайны». Для семейного бюджета это была существенная поддержка.

«ТЫ Ж ДЛЯ МЕНЯ СВЯТОЙ!»

— Итак, в кино вы не ловелас, не герой-любовник, а в жизни?

— Не знаю, плохо ли это или хорошо, но и в обычной жизни я человек верный

С ГЛАВНЫМ СЕМЕЙНЫМ КРИТИКОМ И РЕЖИССЁРОМ СУПРУГОЙ ЛИДИЕЙ МИХАЙЛОВНОЙ В ДОМЕ КИНО. МОСКВА. 2010-Е

и в отношениях, и в чувствах. Поэтому не могу похвастаться никакими выдающимися амурными подвигами. Да и не люблю я хвастаться.

— А ваш единственный и столь поздний брак — в 40 с лишним лет — объясняется тем, что раньше не любили по-настоящему?

— До этого у меня были неофициальные отношения, в том числе и с актрисами. Я не был монахом — были увлечения и романы. Непросто было, непросто — всего и не расскажешь. Только в 33 года я получил свою жилплощадь, а до этого — общага, чужие углы... Я женился сознательно, потому что оказался перед пропастью, а быть одному, без крепкого тыла — это значит, что уже скоро конец. Так что уже то, что мы с моей супругой встретились и столько лет вместе живём, для меня счастье. Лидия Михайловна никак не связана с актёрской профессией — она экономист, окончила Плехановский институт, бухгалтер. А сюжет нашего «головомкружительного» романа довольно простой: познакомились на каком-то праздничном мероприятии, Лидя мне понравилась, я сделал предложение, она дала согласие. Она гораздо моложе меня, и я помню, как сильно волновался, когда просил благословения у её мамы. В остальном не было ни захватывающих геракловых подвигов, ни шекспировских страстей. А вот главное — чувства, всё, что входит в классическое понятие любви, — было и есть.

— «Классическое» — это как? Для вас.

— Настоящая любовь всегда вдохновляет, окрыляет, даёт силы, особенно в трудные моменты. И в жизни, и в творчестве. Могу сказать, что моя жена — до сих пор мой самый придирчивый критик и режиссёр. Мы с ней каждую мою роль репетируем вместе: ходим по комнате и «проигрываем» сценарий по ролям.

— Дети у вас есть?

— Своих нет — не судьба. А вот в кино у меня детей не менее двадцати. Вот ведь как бывает... Сейчас они самостоятельные, взрослые люди, многие связали свои жизни с кино. Это меня, безусловно, радует.

— Кстати, не знаете, как сложилась судьба вашего приёмного сына Сашки из «Дела Румянцева»?

— Знаю, очень талантливый попался парень — Витя Коваль. Он всё делал точно, был органичен в кадре. Видимо, мечтал в будущем стать актёром... Мы долго поддерживали отношения, но как-то так получилось, что после фильма он совсем перестал расти. Родственники обратились к врачу-профессору, тот поставил диагноз «психологический шок». Оказывается, Вите кто-то сказал, мол, пока ты маленький, тебя будут снимать, а когда вырастешь — перестанут. Вот он и перестал расти. Парню запретили сниматься, меня попросили ему не звонить, чтобы ничто ему не напоминало о его звёздном прошлом... Мы встретились случайно на улице — много лет спустя.

— Вырос?

— В плане роста — не очень. А в остальном очень сильно изменился. Я его сначала даже не узнал — он выглядел как хиппи, с огромной бородой, с нечёсанными длинными волосами, в потёртых джинсах. Рассказал, что окончил художественное училище и работает учителем рисования в школе в подмосковной Перловке. Пожалуй, от прежнего Вити — одни глаза только, как смоль чёрные, остались.

— Помимо театра и кино чем-нибудь необычным увлекаетесь?

— Я всю жизнь писал рассказы, записывал интересные моменты жизни, работы, так называемые актёрские байки. Но я этой своей страсти... изменял. Например, надолго уходил с головой в фотопрографирование. Если бы не это «преступление» (смеётся), я, может, достиг бы на литературном поприще гораздо большего. А так написал и издал всего две книги: «Вокруг да около кино» и «Киноактёр — моя профессия».

— Несколько лет назад я видел вас в музыкальном спектакле Театра киноактёра «Бродвей, Бродвей», где вы играли одну из главных ролей и лихо отплясывали с молоденькими актрисами. Перед Новым годом вы выступали на юбилее Татьяны Конюховой в Доме кино... Чем наполнена ваша сегодняшняя творческая жизнь?

— Я по-прежнему в штате Театра киноактёра. И стараюсь не засиживаться дома: участвую в концертах, провожу встречи со зрителями. А кино? В большое кино редко сейчас приглашают — в основном на эпизоды. Снимался в

«Каменской-6», «Угро. Простые парни», «Молодёжке-3»... Совсем недавно сыграл Профессора в 12-серийной картине Алёны Райнер «Хор». Надеюсь, её скоро покажут. Но, что интересно, жизнь постоянно подбрасывает новые комические и трагикомические «сюжеты» для мемуаров.

— Например?

— Несколько лет назад я играл митрополита в сериале «Апокриф: музыка для Петра и Павла» о взаимоотношениях братьев Чайковских. Снимали под Курском. Одели меня, загримировали, вдруг подходит ко мне мужчина — по облику вылитый Лев Толстой. Нос — бульбочкой, борода, лысая голова, да ещё в поддёвке и босиком. И — бух — мне в ноги: «Ты ж для меня святой!» Ну, думаю, принял меня за священника — так я, видимо, здорово попал в образ митрополита. А он продолжает: «Когда я сидел в тюрьме, нам постоянно крутили фильм «Третий тайм». И я до сих пор забыть не могу, как ты берёшь пенальти!» Оказывается, криминальный авторитет, мой поклонник. Если помните, в основу «Третьего тайма» легло реальное событие: знаменитый футбольный матч между нашими и немецкими футболистами в Киеве в 1942 году. Мой герой вратарь Дугин — прообраз легендарного вратаря киевского «Динамо» Николая Трусевича, который как раз и защищал наши ворота в том матче. Его и несколько других футболистов фашисты потом расстреляли.

— Значит, у авторитетов вы в чести. На улицах до сих пор узнают?

— Слава богу, и узнают, и благодарят за роли, жмут руку. Значит, что жизнь прожил зря, я не могу сказать. Так что ни о чём не жалею и радуюсь каждому дню.

— Есть свой собственный рецепт творческого долголетия и вдохновения?

— Как ни хорохорься, 86 — это 86. Тем более что хоть здоровьем и не обижен, но столько травм на съёмках заработал. 200 картин так просто не даются. А фирменный рецепт? Я никогда никого не предавал, в интригах не участвовал и, если надо, всегда уходил сам. И ещё меня Боженька хранил.

Фото из архива Г.Г. Юхтина

“ Многие вгиковцы, кому очень повезло в кино, сошли с экранов прежде времени, потому что испытание славой, к сожалению, выдерживают немногие.

Как погибала звезда «Сорок первого»

3 марта 1971 года радио ВВС сообщило: «В Москве от голода и холода, всеми забытая, выброшенная из общества, скончалась знаменитая 38-летняя актриса Изольда Извицкая»

Андрей Колобаев

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Нет в советском кино фигуры более загадочной и трагической, нежели Изольда Извицкая. В 25 лет к ней пришла мировая слава — фильм Григория Чухрая «Сорок первый», где они с Олегом Стриженовым сыграли главные роли, буквально «взорвал» 10-й Международный кинофестиваль в Каннах. Жюри и зрителей поразила сама сюжет, свежий и смелый для советского кино тех лет — о пылкой любви бойца Красной Армии Марютки и её непримиримого классового врага — белогвардейца. Не меньше удивила актриса: красавица со светло-изумрудными глазами, копной выющихся каштановых волос (да ещё из закрытого «железным занавесом» таинственного СССР!) справилась со сложнейшей драматургией блестяще.

Тогда, в 1957-м, именно Изольду Извицкую европейская и американская пресса величали «советской актрисой номер один». А как в неё влюблялись! Женские чары «великолепной Изольды» воздействовали магически: было в её внешности что-то запредельно притягательное — и на экране, и в жизни... Кто бы мог подумать, что через каких-то 13 лет актрису ждёт такой драматический финал: от неё уйдёт муж, отвернутся друзья и коллеги, режиссёры перестанут приглашать её даже на пробы. Когда Извицкой не стало, по Москве пошли гулять слухи один хлеще другого: «покончила с собой», «зверски убили, из квартиры вынесли всё»... О её смерти сообщили только «вражеские голоса». И даже официальная дата смерти — 1 марта 1971 года — очень условная. К тому времени как минимум неделю актрисы не было в живых.

КАК БУДТО ИЗО ЛЬДА

Будущая звезда советского кино появилась на свет 21 июня 1932 года в небольшом городке химиков Дзержинске, что под нынешним Нижним Новгородом. На первый взгляд, семья была самая обычная: мама — педагог в местном Дворце пионеров, папа — химик на одном из оборонных заводов. Вот только, вопреки моде тех лет на имена «революционные», имя для своей дочери они выбрали совсем «немодное», можно сказать, «старорежимное».

Кстати, с выбором имени связана любопытная семейная легенда, даже две. По одной, мама, Мария Степановна, назвала её в честь героини знаменитого рыцарского романа XII века о сумасшедшей любви королевича Тристана и белокурой красавицы Изольды, которым зачитывалась в юности. По другой, когда малютку принесли из роддома домой, папа побоялся брать новорождённую на руки — настолько его поразили необычная нежная белизна и прозрачность её кожи. Кто-то из близких даже восхищённо воскликнул: «Да она как будто из льда!» Решили девочку так и назвать — Изольда.

Мама со временем стала директором Дворца пионеров, и Иза, как её называли домашние и друзья, там проводила всё свободное от учёбы время: ходила в кружки рисования, кройки и шитья, вместе с мальчишками увлечённо клеила модели

ЗВЕЗДА СОВЕТСКОГО КИНО ИЗОЛЬДА ИЗВИЦКАЯ. 1961

самолётов. А когда стала чуть постарше, записалась в драмкружок. Как и всех будущих актёров её поколения, на сцену её подтолкнуло кино — шедевры тех лет «Весёлые ребята», «Цирк» и «Волга-Волга» она смотрела бесцётное количество раз, а Любовь Орлова навсегда стала её любимой актрисой.

В одной из постановок драмкружка «юное дарование с косичками» заметил главный режиссёр Дзержинского драмтеатра Борис Райский. Он стал заниматься с Изольдой индивидуально, причём втайне от родителей — строгий папа, Василий Герасимович, был категорически против её «несерьёзного увлечения киношкой». Однако вскоре увлечение стало настоящей страстью.

Подруга детства и одноклассница Нина Голубева годы спустя рассказывала: «Иза меня делала зрительницей своих «спектаклей»: мы сами придумывали маленькие пьесы, ещё она играла героиню Островского, пыталась взяться за Шекспира — за Офелию. Тогда в Дзержинск часто приезжали артисты Большого, Малого театра, МХАТа, и мы постоянно ходили на спектакли, потом

горячо их обсуждали. Да и в школе у нас были очень хорошие учителя, особенно по литературе!» По словам подруги, характером Изольда была в Марию Степановну — женщину возвышенную, романтическую, видящую во всём и всех только позитивное. Жили все очень бедно, но ей всегда удавалось придумать для дочери какую-нибудь изюминку в одежде, она сама кроила и шила ей модные платья. А вот папа был жёсткий, очень любил и «потому» держал дочь (да и всю семью) в ежовых рукавицах. Характер, сила духа, умение сопротивляться — всё это было подавлено в Изольде отцом.

«Изу все любили, она была весёлая, красивая — мальчишки влюблялись в неё повально, — вспоминала Нина Голубева. — Она была очень ярким человеком. Если бы к этой яркости прибавить силу воли и духа!»

Сохранились дневники старшеклассницы Изольды Извицкой. «Как мне хочется стать артисткой, учиться в театральном институте! — писала она. — Если бы моя мечта осуществилась, я бы обязательно очень хорошо училась. Только вот насчёт

таланта сомневаюсь. Мечта чудесная, но только невозможная... Нет, нет! У нас ведь всё возможно! Почему бы мне не стать артисткой?!» Незадолго до выпускного вечера 16 февраля 1949 года 17-летняя девушка написала: «Все говорят, что я хорошо читаю и играю в самодеятельности. Но если бы всё это когда-нибудь пригодилось! Ой, дура я. Даже мечтать об этом не смею. Как можно: из меня — и вдруг артистка?!» Она не верила, что её, обычную провинциальную девчонку, могут принять в вуз, куда мечтают поступить все. Но Борис Райский убедил Изольду рискнуть и попробовать сдать экзамены во ВГИК.

Летом 1950 года прямо с выпускного школьного бала весь класс отправился провожать Изу на ночной московский поезд. В каком-то смысле это был настоящий побег — родители об её отъезде не знали. Смелости признаться отцу в этой авантюре ей так и не хватило, так что Изольда решила для себя: если не примут, вернётся с повинной и пойдёт работать на завод. Но выдающиеся педагоги ВГИКа Ольга Пыжова и Борис Бибииков на первом же экзамене положили глаз на волжскую красавицу и взяли на свой курс.

Изольда Извицкая первую скрипку в студенческих постановках и этюдах не играла, но училась прилежно, азартно. У ученицы и партнёрши Станиславского Ольги Ивановны Пыжовой был девиз: «Когда я могу сказать о своём студенте: «Он хорошо работает», — я самый счастливый человек на свете!» Педагоги всех своих учеников обожали. Кстати, этот курс 1950 года был выдающимся: на нём учились будущие звёзды сцены и экрана Руфина Нифонтова, Маргарита Криницына, Надежда Румянцева, Татьяна Конюхова, Майя Булгакова, Юрий Белов... Со временем его назовут роковым — большинство ставших знаменитостями актёров и актрис из жизни уйдут в расцвете сил. Некоторые, как например, Леонид Пархоменко, Руфина Нифонтова и Майя Булгакова, уйдут страшно. Из всего выпуска сегодня живут и здравствуют всего трое.

...В ноябре 2017-го я специально встретился с Татьяной Георгиевной Конюховой, чтобы поговорить об Извицкой. В частности, вот что она рассказала:

«Конечно, хороша собой Изольда была невозможно. У неё была кожа нежная — такой, знаете, «французский фарфор». Ресницы большие — как веера. Когда она их поднимала, там открывалась такая глубина, такой удивительной красоты глаза — как будто ты в омут заглядываешь, в какую-то тайну тайн. При этом глаза на вас смотрели наивные, чистые. И начинало всё лицо светиться — меня это так поражало в ней! Мы с Изольдой жили во вгиковском общежитии в одной комнате — наши койки стояли рядышком. Мы подружилась! Я её воспринимала как мягкую, очень ласковую, добрую, искреннюю — от неё солнечное тепло исходило при общении. Знаете, кого она мне напоминала? Кошечку! Такую, как иногда сейчас в рекламе показывают: идёт не спеша по лестнице пушистое существо, хвост трубой! Любимое её словечко было «лапа». Когда она высказывала своё одобрение, она мне говорила: «Ой, Танюшка, ты такая лапа!» Честно вам скажу: в те студенческие годы вообще ничего не предвещало такой её судьбы...»

ОНИ ИДЕАЛЬНО ПОДХОДИЛИ ДРУГ ДРУГУ

В отличие от театральных вузов, где студентам было запрещено подходить к съёмочной площадке на пушечный выстрел, в кино это не возбранялось. Даже наоборот! Например, та же Татьяна Конюхова уже на первом курсе снялась в фильме Александра Роу «Майская ночь, или Утопленница» и сразу проснулась знаменитой — её огромный портрет висел в самом центре Москвы. Изабелла дебютировала в кино в 1954-м, на предпоследнем курсе. Сыграла небольшие роли в приключенческой ленте «Богатырь» и в драме «Тревожная молодость». Незадолго до этого в её жизни случилось важное событие — она приехала в родной Дзержинск на летние каникулы и влюбилась. Первой любовью Изабеллы стал 25-летний студент Ленинградского института киноинженеров Слава Коротков. Красивый, высокий парень — спортсмен, фотограф, будущий кинооператор. У них было много общего, в том числе страсть к кино. По воспоминаниям друзей, они в те дни почти не расставались — допоздна пропадали на Оке: купались, загорали, гуляли в лугах, фотографировались, мечтали, строили совместные планы. По всеобщему мнению, они идеально подходили друг другу.

Ещё год влюблённые обменивались полными нежности письмами, ездили друг к другу на свидания поездом Москва — Ленинград. А в 1953-м неожиданно расстались — настоящая причина расставания так и осталась для всех окружающих загадкой. Известно только, что, став кинооператором Киностудии «Ленфильм», Вячеслав Коротков участвовал в создании таких знаменитых художественных фильмов, как «Укротительница тигров», «В окопах Сталинграда», «Два капитана», «Поднятая целина», «Даурия»... И ушёл из жизни тоже очень рано — в 1973-м, пережив Изабеллу всего на два года. Семью так и не завёл — любил её до последнего дня...

Незадолго до окончания ВГИКа Изабелла сыграла трагистку Аню Залогину в мелодраме Михаила Калатозова «Первый эшелон». Именно на съёмках этой картины она познакомилась с 21-летним Эдуардом Бредуном. Их свадьба и для её близких, и для сокурсников стала полной неожиданностью. Борис Владимирович Бибииков, когда ему сказали, что Изабелла вышла замуж, сначала оживился: «Хорошие вести. И кто же этот счастливчик?» «Актёр с параллельного курса — Эдик Бредун!» Повисла тяжёлая пауза. «Боже, какая страшная, совершенно неактёрская фамилия!» — произнёс Бибииков.

Из письма Изабеллы подруге Зареме Кормилицыной: «Изабелла — идиотка! Вышла замуж... Да-да. Это реальное дело. Факт в паспорте. Но ты не огорчайся, мой котёнок! Она, эта дрянная девчонка, которая называется актрисой, всё такой же баламут и ничего не понимает в жизни. Она каждый день ссорится со своим мужем по поводу «кто глава семейства». Так ещё и не выяснили!»

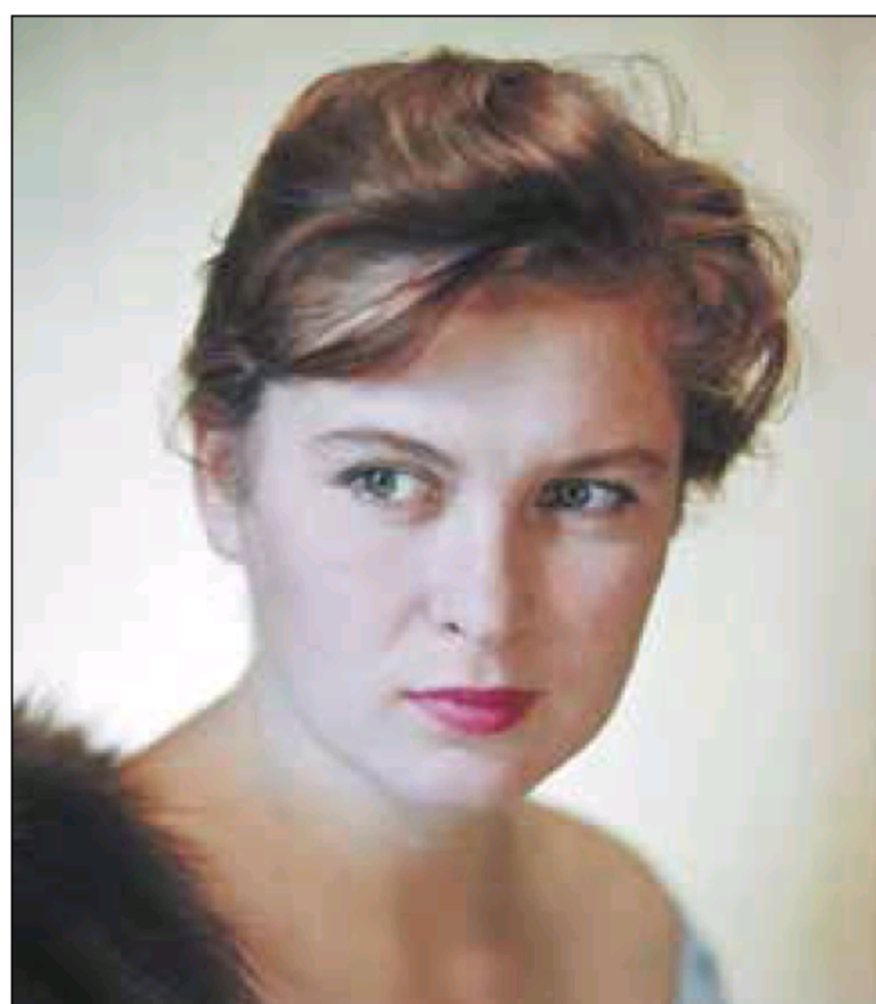
КРАСАВИЦА С РУЖЬЁМ

В 1955 году молодой режиссёр Григорий Чухрай задумал снять героико-революционную драму «Сорок первый» по одноимённой повести Бориса Лавренёва. На главные роли — поручика Вадима Николаевича Говорухи-Отрока и бойца Красной Армии Марины (Марютки) Басовой — им были выбраны ставший знаменитым после «Овода» Олег Стриженов и никому не известная выпускница ВГИКа Изабелла Извицкая.

Григорий Чухрай объяснял свой выбор так: «Мне очень понравилось сочетание этих двух людей — таких разных. И кроме того, Марютка в «Сорок первом» у Лавренёва написана как немного диковая, резкая. А мне показалось, что было бы лучше сделать её такой мягкой, как была Изабелла».

Работа над фильмом с самого начала шла крайне тяжело. Уж больно тема с позиций советской идеологии была щекотливая — о страстной любви девушки-красноармейца и пленного белогвардейца. Тем

более что режиссёр планировал уйти от идеологии и просто рассказать трогательную человеческую историю. Для кино эпохи соцреализма — уже почти кощунство. Плюс в сценарии была прописана по нынешним временам абсолютно целому-дренная, а по мнению чиновников тех лет, «бесстыдно-эротическая сцена». В Госкино категорически возражали против такого «антипартийного» подхода, требовали доработки сценария, съёмки то и дело откладывались. Да и Извицкая, как считали в худсовете «Мосфильма», «слишком мягка, изящна и утончена, чтобы сыграть грубоватую и простоватую революционерку-партизанку Марютку». Открыто заявляли: «Да она провалит эту роль! Какой из неё красный стрелок?!» Но начиналась

ИЗABELЛА ИЗВИЦКАЯ. 1963

хрущёвская оттепель, подул свежестью ветер перемен, и Чухраю удалось настоять на своём, в том числе отстоять актрису. Съёмки начались.

Результат превзошёл все ожидания. Чухрай вспоминал, что директор «Мосфильма» Иван Пырьев, посмотрев готовую картину, обнял его, расцеловал... Самое удивительное, что больше всех в восторге от «Сорок первого» были те, кто в картине сомневался и ставил съёмочной группе палки в колёса. Режиссёру простили даже существенный перерасход казённых средств. В Госкино фильм приняли без серьёзных поправок и пустили в прокат — в 1956-м его посмотрели 25 миллионов человек. Через год — на волне большого зрительского интереса — «Сорок первый» повезли на 10-й МКФ в Канны.

Ещё до открытия фестиваля французская газета «Фигаро» написала: «В Канны прибыла советская делегация. Среди её членов — звезда с ногами степного кавалериста». Имелась в виду Изабелла Извицкая, хотя никто ни фильма, ни её ещё и в глаза не видел. Как только советская делегация появилась в холле отеля, западные журналисты начали упражняться в остроумии, обсуждая её наряды, вернее, их отсутствие. На фоне съехавшихся звёзд мирового кино, позировавших в костюмах и платьях лучших кутюрье, в мехах и бриллиантах, «наряд» Извицкой выглядел, по их мнению, откровенно безвкусным и прои-

ИЗABELЛА ИЗВИЦКАЯ (СПРАВА) С ЛЕГЕНДАРНЫМ ФРАНЦУЗСКИМ РЕЖИССЁРОМ БЕРНАРОМ БОРДЕРИ. КАНСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

ОЛЕГ СТРИЖЕНОВ (СЛЕВА), ИЗABELЛА ИЗВИЦКАЯ И ГРИГОРИЙ ЧУХРАЙ НА 10-М КАННСКОМ КИНОФЕСТИВАЛЕ. ФРАНЦИЯ. МАЙ 1957

грышным. Репортёры ёрничали: «Она тоже надела самое лучшее!» Участники нашей делегации рассказывали, что актриса, узнав об этих публикациях, целый день прорыдала в гостиничном номере, её еле уговорили пойти на показ картины.

Зато что творилось в зале после просмотра! «Сорок первый» стал мировой сенсацией — «такого от русских, этих фанатов-коммунистов, никто не ожидал». Жюри фестиваля единодушно присудило ленте специальный приз — «За оригинальный сценарий, гуманизм и романтику». По словам Олега Стриженова, сидевшие в зале белоэмигранты забрасывали создателей картины цветами и кричали вдогонку: «Целуйте родину, целуйте нашу землю!»

«Действительно, такого нашего кино на Западе раньше не видели, — вспоминал Олег Александрович. — Да его и не было такого! И вдруг все видят такую трогательную человеческую историю любви бело-гвардейского офицера и красной партизанки, да ещё с такими откровенными сценами... Фильм имел большой успех ещё потому, что сделан очень профессионально, там прекрасный актёрский ансамбль и великолепная работа кинооператора Сергея Павловича Урусевского».

Освещавших кинофорум журналистов как будто подменили: главной темой их репортажей стали «самобытный талант и неземная красота исполнительницы главной роли». Теперь они соревновались в изощрённости и красочности комплиментов. Популярный американский светский журнал New York Magazine и ежедневная французская газета Le Parisien libéré вышли с портретами Изабеллы Извицкой и подписями: «Актриса номер один советского кино», «Русская Мэрилин Монро». Отныне она была «великолепная», «прекрасная» и так далее. Вскоре в Париже даже открылось кафе «Изабелла» — в её честь. Это был настоящий фурор!

Инна Чурикова, вспоминая об атмосфере вокруг фильма, говорила об Извицкой и её образе пламенной «красавицы с ружьём»: «Мощная актриса — она мне очень нравилась. Она в «Сорок первом» как хороша была! Я любовалась её лицом,

как одета... И это заставляло меня думать о том, что тоже хочу быть актрисой».

В Москву Извицкая вернулась абсолютно счастливая: сбылась её заветная мечта — она стала не просто знаменитой, а актрисой, признанной во всём мире. В любом городе СССР её на улицах узнавали все — от мала до велика. В киоски «Союзпечати» выстраивались очереди за её фотографиями, её огромные портреты украшали афиши кинотеатров от Калининграда до Владивостока. Всеобщее обожание, цветы, интервью... Дома тоже всё было празднично. Любимый муж встретил Изабеллу как королеву, накрыл стол, пригласил друзей. Теперь многие коллеги почитали за счастье приехать к Извицкой и Бредуну в их «однушку» во 2-м Мосфильмовском переулке. Благо двери нараспашку — дом был хлебосольный, гостеприимный.

У Изабеллы появились многочисленные поклонники, среди которых были довольно известные и влиятельные личности. Например, по Москве тогда ходили слухи, что, добываясь её расположения, не на шутку разругались зять Никиты Сергеевича Хрущёва Алексей Аджубей и знаменитый актёр и певец Марк Бернес. Ещё говорили, что у актрисы появился влиятельный воздыхатель из ЦК комсомола, который прилагает усилия, чтобы именно она стала «лицом СССР» — представляла страну за рубежом в составе всевозможных молодёжных делегаций.

И действительно, вскоре Извицкую выбрали членом Ассоциации по культурным связям со странами Латинской Америки, отныне она могла беспрепятственно путешествовать по всему миру. В Париже, Брюсселе, Вене, Будапеште, Варшаве, Буэнос-Айресе она была «желанным и обязательным гостем» на всевозможных приёмах и светских раутах, ей пели дифирамбы, в честь её красоты и таланта поднимались тосты...

От такого закружилась бы голова и у более закалённого славой человека, но в случае с Извицкой проблема была посерьёзнее звёздной болезни. От природы мягкая, романтичная, ранимая, со сверхчувствительным, обострённым восприятием мира, она не обладала ни толстокожей стрессоустойчивой психикой, ни маломальски хорошим физическим здоровьем. Многие потом вспоминали, что на всех этих бесконечных приёмах и банкетах уже тогда Изабеллу Извицкую можно было увидеть, мягко говоря, «не в идеальной форме». Иногда её даже приходилось уводить, поддерживая под руки. Впрочем, тогда этим «дипломатическим» казусам особого внимания никто не придавал — молодая звезда, с кем не бывает!

В течение нескольких лет с «Сорок первым» актриса исколесила всю страну, даже самые дальние «медвежьи углы». Об одной такой удивительной встрече с Извицкой несколько лет назад мне рассказывал Александр Васильевич Панкратов-Чёрный. Он, 10-летний мальчик, жил тогда в глухом алтайском селе, куда зимой и добраться-то было проблематично.

Александр Панкратов-Чёрный: «Однажды — мороз градусов под 40, лютая зима, ночь... Я сижу на кухне, пишу стихи. Вдруг открывается дверь и заходит... Изабелла Извицкая. Волшебная женщина неверо-

В РОЛИ МАРИЮТКИ БАСОВОЙ. КАДР ИЗ ГЕРОИКО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДРАМЫ ГРИГОРИЯ ЧУХРАЯ «СОРОК ПЕРВЫЙ». «МОСФИЛЬМ». 1956

ИЗОЛЬДА ИЗВИЦКАЯ В РОЛИ ФЕНИЧКИ. КАДР ИЗ ФИЛЬМА «ОТЦЫ И ДЕТИ» ПО ОДНОИМЕННОМУ РОМАНУ И.С. ТУРГЕНЕВА. «ЛЕНФИЛЬМ». 1958

ятной красоты — как фея из сказки! Представляете моё состояние?! Оказывается, наша потрясающая кинозвезда ехала с фильмом «Сорок первый» из Кемерово в Новокузнецк, у них забуксовал автобус, и они застряли напротив нашего посёлка. Негде ночевать, они пошли на единственный горящий огонёк. Помню, она улыбнулась: «Здравствуйте!» Замёрзшая, лицо необыкновенное: мне казалось, если прикоснуться пальчиком, там шрам останется, такое нежное у неё лицо было... Я разбудил маму, она пельменей сварила. Гости покушали, чаю попили и сразу легли спать. Когда рано утром я их провожал, Изольда подарила мне чёрно-белую открыточку со своей фотографией. Спросила: «Саша, что тебе написать на память?» «Не знаю». — «А о чём ты мечтаешь?» «Я мечтаю работать в кино», — говорю. И тогда она написала: «Санечка! Твоя мечта обязательно должна сбыться. Я в это верю! Изольда Из.» Открыточку эту я храню до сих пор».

ПЫРЬЕВ И «ИДИОТ»

Несмотря на плотный график поездок, Извицкая успевала сниматься в кино. В том же 1957-м она сыграла в комедии «К Чёрному морю», драмах «Неповторимая весна» и «Поэт». Во всех трёх лентах у неё были главные роли. Правда, совершенно однотипные — «хорошенькая студентка-комсомолка», «красавица — передовик производства». Казалось бы, после грандиозного успеха «Сорок первого» лучшие режиссёры должны были выстроиться к ней в очередь, но этого не произошло — глубоких драматических, масштабных ролей Извицкой не предлагали.

Григорий Чухрай объяснял это так: «Многие крупные, да и молодые режиссёры не хотели работать с известными артистами, стремясь из эгоистических побуждений открыть свою собственную кинозвезду. Они не заметили тех значительных возможностей, которые раскрыла в Извицкой роль Мариютки. Именно поэтому многие актёры поистине уникального

таланта у нас снимались весьма редко, тогда как на Западе большой успех в фильме открывает дорогу актёру ко многим фильмам. Там, если уж ты стал звездой, тебя эксплуатируют и снимают без конца — в расчёте на кассу, на то, что зрители хотят это лицо видеть».

Из письма Изольды Извицкой подруге: «Как безумно тяжело быть актрисой! Если бы ты только всё это перенесла... Господи, как трудно жить! Хочется свежего воздуха, хочется роли и настоящей работы, интересных в такой мере, что всё остальное будет отлетать, как шелуха».

Актриса понимала, что ей очень нужна картина уровня «Сорок первого». И судьба предоставила ей такой шанс. В 1958 году Иван Александрович Пырьев собрался экранизировать роман «Идиот» своего любимого писателя Фёдора Достоевского. Незадолго до этого на фестивале в Венеции в одном из итальянских журналов он увидел фотографию Извицкой. Внешне именно такой он представлял себе Настасью Филипповну — эту женщину-огонь. Вернувшись в СССР, дал ассистентам команду: найти актрису и вызвать на пробы. Говорят, Изольда приехала и «внешне выглядела в тот день просто божественно». Но проба не удалась. Пырьев, как мог, старался её «расколоть», объявлял перерывы, втолковывал, что он от неё хочет... Не зажгла! В конце концов Иван Грозный (так называли между собой директора «Мосфильма» Ивана Пырьева кинематографисты. — прим. ред.) не выдержал и при всех неловко прошёлся по поводу её актёрского дара.

Конечно, для Извицкой это был тяжелейший удар. Тем более что о её провале, естественно, сразу узнали все, и ещё долго актёрская братия с удовольствием смаковала и передавала эту историю из уст в уста. Переживала она очень сильно. Приходила домой, а там вместо поддержки мужа обнаруживала застолье и очередную весёлую компанию.

Татьяна Конюхова: «Эдик Бредун во ВГИКе учился — у Ройзмана. Внешне хорошенький такой был, смазливенький, курносенький. Но как актёр ничем не блистал — играл в основном в эпизодах. У него была большая компашка любителей «этого дела». Не сидеть же им в кафешке напротив «Мосфильма», когда у него рядом квартира. Он всех звал к себе в гости. Так гордился, что у него жена — мировое светило! Ну и Изка с ними сидела... Несчастное существо — здоровье-то у неё было совсем слабое».

Многие считают, что именно Бредун, умышленно или сам того не желая, приучил жену к спиртному. Мол, не мог смириться с её славой и своей безвестностью — его больно задевало, когда на съёмках его представляли режиссёрам: «Это Эдик, муж Изольды Извицкой!» Однажды на кинофестивале в Горьком их коллеги стали свидетелями доносившегося из их гостиничного номера диалога: «Мне плохо, Эдик... Я

больше не могу пить эту гадость». «А ты опохмелись — легче будет!»

Григорий Чухрай: «Первое время, встречаясь с Изольдой на «Мосфильме», я спрашивал её: «Ну как твои дела?» Она грустно отвечала, что, мол, нет интересных предложений. Хотя публика-то её давным-давно всю узнавала и очень полюбила. Она говорила: «Когда выхожу с «Мосфильма», все меня узнают. А на «Мосфильме» хожу по коридорам, и никто меня «не узнаёт» — в упор не видят...» Потом до меня стали доходить слухи, что она приходила на какие-то съёмки в не очень трезвом виде. Говорили, что Бредун любил выпить, а она, чтобы он пил меньше, брала на себя часть алкоголя и втянула в это дело».

Не прошло и года, как от главных ролей актрисе пришлось перейти к второстепенным, вскоре и вовсе соглашаться на эпизоды. Лишь бы работать, оставаться в профессии. Но ей было обидно, когда, например, после съёмок в фильме «Коммунист» её имя даже не упомянули в титрах.

«А МОЯ НАДЕЖДА — УМИРАЕТ»

В 1963 году режиссёр Сергей Колосов приступил к съёмкам одного из первых отечественных сериалов — «Вызываем огонь на себя». На главную роль советской разведчицы Анны Морозовой была утверждена Людмила Касаткина, а на роль её напарницы, красавицы официантки из казино Паши — Извицкая.

Сергей Николаевич вспоминал: «Порой Изольда была недостаточно собрана, плохо выглядела, чувствовалось, что она ведёт безалаберную семейную жизнь с мужчиной, который был мне антипатичен». Тем не менее Колосов отнёсся к актрисе бережно — он понимал, как это важно и для неё, и для конечного результата фильма. И Извицкая здорово справилась со своей задачей. Почти полтора года, пока шли съёмки, она держала себя в руках. Многим, кто продолжал в неё верить, даже казалось, что в жизни актрисы вот-вот начнётся-таки белая полоса.

Но чуда не произошло. Вскоре радость от того, что сериал был принят зрителями на ура и получил несколько международных призов, сменилась затяжной депрессией. Новой работы режиссёры Извицкой не предлагали. Но особенно её ранило, что от неё отворачивались многие из тех, кого она считала друзьями. По выражению актрисы Майи Менглет, «ей завидовали, и её депрессию воспринимали чуть ли не с восторгом». На «Мосфильме» всё чаще говорили о том, что «былая красота и шарм Извицкой улетучились», «некогда волнующий тембр голоса стал хриплым».

Не для кого не были секретом и семейные скандалы — с криками и битьём посуды. В 1968 году известная актриса кино Людмила Марченко и её муж, театральный администратор Виталий Войтенко, приш-

С ВИКТОРОМ АВДЮШКО (В РОЛИ БАЗАРОВА) В КАРТИНЕ «ОТЦЫ И ДЕТИ»

ли в гости к Изольде и были потрясены, увидев, что она сильно избита. «Она показала множество ссадин на руках и теле, синие подтёки под глазами, но не сказала, кто это сделал. Впрочем, все догадывались, кто».

Некоторые старались Извицкой помочь. В Театре киноактёра, где она числилась в штате, ей предлагали небольшие роли в спектаклях. В самый трудный период школьные подружки призывали актрису вернуться на родину, устроиться в Дзержинский драмтеатр или в один из горьковских театров. Но она отвечала: «Нет, я уже не могу. Я же артистка кино».

Нина Голубева: «Изольда никому в последние годы не признавалась, как у неё дела. Говорила, что всё нормально. А ещё она очень переживала, что не могла иметь детей. Во время одной из наших последних встреч говорила мне: «У тебя хотя бы есть сын, а у меня — никого!»

Александр Панкратов-Чёрный так вспоминал о двух последних встречах с актрисой: «Прошли годы, я поступил в театральное училище в городе Горьком. И Извицкую пригласили на встречу со студентами в наше училище... Я к ней подошёл, напомнил про её пожелание. Она меня вспомнила, очень обрадовалась: «Вот видишь, мечта уже сбывается!» Последний

АКТРИСА ОХОТНО ПОЗИРУЕТ ДЛЯ ФОТОГРАФА ЖУРНАЛА PARIS MATCH. КАННЫ. 1957

ИЗОЛЬДА ИЗВИЦКАЯ В РОЛИ ПАШИ (СЛЕВА) И ЛЮДМИЛА КАСАТКИНА (АННА МОРОЗОВА) НА СЪЁМКАХ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО СЕРИАЛА СЕРГЕЯ КОЛОСОВА «ВЫЗЫВАЕМ ОГОНЬ НА СЕБЯ». «МОСФИЛЬМ». 1965

раз мы встретились ещё через несколько лет — в коридорах «Мосфильма», когда она уже была, мягко говоря, в очень грустном состоянии. Никогда не забуду её слова: «Ваша мечта, Санечка, сбывается, а моя умирает...» Спасти её мы так и не смогли, хотя, наверное, было можно, если б дали работу, возможность сниматься. А с ней так же как с Танечкой Самойловой поступили. Танечке предложили сниматься в Голливуде, но элементарная зависть — запрещали, «не пушали»...

СКОНЧАЛАСЬ 23 ФЕВРАЛЯ

В 1969 году коллеги уговорили режиссёра Самсона Самсонова взять Извицкую в картину «Каждый вечер после одиннадцати». Однако роль ей досталась такая крохотная, да ещё без слов, что её появления на экране зрители даже не заметили. Этот фильм стал 22-м и последним в её фильмографии.

В январе 1971 года Эдуард Бредун собрал свои вещи и переехал к подруге жены, то ли буфетчице, то ли продавщице ковров. Это двойное предательство окончательно добило: актриса была на грани помешательства. Она закрылась в своей квартире, открывая дверь лишь на условный стук своих сомнительных знакомых. Жила, а вернее, существовала на свою небольшую зарплату, поступавшую из Театра киноактёра. Именно в эти дни её случайно встретила актриса Татьяна Гаврилова, жившая неподалёку. Её рассказ потрясает:

«Возвращаясь с репетиции, я шла вниз по 2-му Мосфильмовскому переулку.

Впереди шла худенькая женщина в рыжей выцветшей каракулевой шубе и русском цветном платке. Она крепко держала в правой руке старенькую авоську с двумя пустыми бутылками из-под кефира и газетным свёртком. Обогнав её, я интуитивно обернулась и сразу узнала Изольду Извицкую. Её лицо показалось мне более болезненным и одутловатым, чем прежде, она производила впечатление человека не от мира сего. «Здравствуйте, Изольда Васильевна!» «Ой, деточка, здравствуй! Не хочешь ли зайти ко мне? Посидим, я кое-что тебе расскажу...» Её глаза просили меня поговорить, пообщаться с ней. Я согласилась...

В однокомнатной квартире Извицкой царил идеальная чистота — чистюля она была необыкновенная, но обстановка была весьма бедной. В полуоткрытом одёжном шкафу висело лишь несколько поношенных женских халатиков. Уловив мой взгляд, Изольда Васильевна сказала, что её недавно обокрали. В углу стояла старая продавленная тахта и около неё — телевизор с небольшим экраном, как выяснилось, неработающий... Выглядела она неважно: хилое тельце, совершенно высохшее, синие руки — я сразу поняла, что она очень тяжело больна. Конечно, я была поражена, что эта нищая совершенно женщина в драном французском халате — та самая Изольда Извицкая.

«Деточка, — вдруг произнесла актриса, — давай с тобой выпьем». Она извлекла из газетного свёртка спрятанную бутылку «Столичной», поставила её на кухонный стол, затем налила две небольшие стопки водки, а на закуску подала чёрные сухарики. Когда она открывала холодильник на кухне, я заметила, что он пуст. Видимо, все эти последние дни её мучил голод, но на

водку Изольда деньги где-то доставала. После первой рюмки она потеряла равновесие и схватилась за край кухонного стола. Испугавшись, я обхватила её руками и поволокла к тахте. Когда она пришла в себя, я попрощалась и ушла. Я понимала, чем всё это может кончиться».

Зимой 1971-го в Театре киноактёра Извицкой предложили роль в спектакле «Слава» по пьесе драматурга Виктора Гусева. Это предложение воодушевило актрису, она с энтузиазмом взялась учить текст, ждала начала репетиций. Все эти дни Татьяна Гаврилова её навещала: приносила еду, помогала помыться, причёсаться. И вдруг 23 февраля Извицкая перестала брать трубку, несмотря на условный стук, дверь не открывала. Гаврилова сразу поняла, что случилось самое страшное. Но в милиции на её требование взломать дверь ответили: «Не устраивайте здесь спектакль! Может, она куда-нибудь уехала». Только 3 марта Татьяне и одной из сотрудниц Театра киноактёра удалось уговорить Бредуна навестить к Извицкой — у него были ключи от квартиры. Оказалось, что дверь заперта изнутри. Вызвали милицию, слесаря из ЖЭКа — они взломали дверь.

Татьяна Гаврилова: «Изольда Васильевна лежала на полу как-то боком, головой — на кухне, худеньким телом — в комнате. Увидев всё это, Бредун громко сказал: «Уже набралась, вставай!» Но Извицкая не поднималась. На лице отчётливо проступали характерные пятна, и слесарь проворчал: «Ты что, не видишь, она же мёртвая!» Видимо, актриса шла на кухню, но, потеряв сознание, упала и умерла. Судя по всему, пролежала так больше недели. Но я точно знаю дату её смерти — 23 февраля».

Согласно официальному диагнозу причина смерти — сердечно-сосудистая недо-

статочность. Однако всем было ясно: её сломала тяжелейшая депрессия. И слабое сердце просто не выдержало. Изольде Извицкой было всего 38 лет.

Татьяна Конюхова: «Меня часто спрашивали, правда ли, что Извицкая была пьяницей. Я возмущалась: да как вам не стыдно! Она погибала. Изольда была больным человеком, и она не могла, была не в силах сопротивляться тем горестям, которые на неё сыпались».

3 марта Русская служба «Би-би-си» сообщила: «В Москве от голода и холода, всеми забытая, выброшенная из общества, скончалась знаменитая актриса Изольда Извицкая». Наталья Фатеева вспоминала: «Я пошла на похороны Изольды и видела несчастных родителей, отца и мать, хоронивших дочь. Стоял мороз, но светило солнце, словно обогревая холодное кладбище. Мне запомнилось, что, когда опустили гроб и начали бросать мёрзлые комья, раздавался жуткий грохот. А пьяный Бредун кричал и кричал: «Бросайте камни аккуратно, аккуратно, ведь ей же больно!»

Из книги Олега Стриженова «Исповедь»: «Когда в начале 1970-х годов умерла Изольда Извицкая, все вдруг заинтересовались причиной её смерти. Выстраивались различные версии, одна из них: покончила с собой по причине алкоголизма. Почему-то интересовались больше не душой актрисы, которую она раскрывала в своих ролях, а изнанкой жизни. Но ведь актёр — это загадка, это праздник, а если ты копаешься в мелочах семейной жизни, значит, тебя интересует больше не кино, а замочная скважина квартиры чужого человека. Я не хочу исповедоваться во всех откровениях ни читателю, ни священнику. И всё же скажу: Изольда была от природы одарённым человеком, красивой и внешне — чудесные волосы, обворожительная улыбка, — и внутренне. Во Франции её часто сравнивали с Мэрилин Монро. И она удачно вписалась в прекрасный образ Марютки, созданный Лавренёвым».

Эдуард Бредун пережил свою жену на 13 лет и умер, не дожив до своего 50-летия трёх месяцев, так и оставшись в памяти людской только тем, что он был мужем «той самой Изольды Извицкой».

А вот её звезда не погасла: фильм «Сорок первый» до сих пор занимает своё законное место в сокровищнице мирового кино. Изольду Извицкую зрители до сих пор помнят и любят. О ней сняты несколько документальных фильмов, ей посвящены выпуски цикла передач Виталия Вульфа «Серебряный шар» и Леонида Филатова «Чтобы помнили». На её родине в Дзержинске в краеведческом музее висит мемориальная доска, рядом с которой всегда лежат живые цветы. Посмотреть экспозицию, посвящённую актрисе, послушать рассказы о ней ежегодно съезжаются поклонники её таланта со всей страны. Да и её могила на Востряковском кладбище — одна из самых посещаемых. И это понятно — забыть Изольду Извицкую невозможно.

ИЗОЛЬДА ИЗВИЦКАЯ И ПОЧЁТНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ 10-ГО МКФ ЗНАМЕНИТЫЙ СЦЕНАРИСТ-РЕЖИССЁР ЖАН КОКТО (В ЦЕНТРЕ) В КУЛУАРАХ ФЕСТИВАЛЯ. КАННЫ. 1957

РАЗБЛУДИЛИ ГЕРЦЕНА

Как Александр Иванович и Николай Платонович жену не поделили

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Большинство из нас наверняка слышали историю про двух друзей – А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, которые, гуляя как-то на Воробьёвых горах, дали друг другу клятву, которая навеки соединила их в одном стремлении к совершенству жизни. Принято говорить, что эти люди, верные своей святой клятве, пожертвовали жизнью ради освобождения России. Но, как выясняется, их связывала не только юношеская клятва, но и весьма запутанные и не самые красивые, с любой точки зрения, отношения.

Клятва была дана в 1827 году, Александр и Николай были тогда студентами Московского университета, а потом Огарёв написал об этом так: «На высоком берегу стояли два юноши. Оба, на заре жизни, смотрели на умирающий день и верили его будущему восходу. Оба, пророки будущего, смотрели, как гаснет свет проходящего дня, и верили, что земля ненадолго останется во мраке. И сознание грядущего электрической искрой пробежало по душам их, сердца их забились с одинаковой силой. И они бросились в объятия друг другу и сказали: «Вместе идем! Вместе идем!»

Не забыл об этом и Герцен, который писал: «Воробьёвы горы сделались для нас местом богомолья, и мы в год раз или два ходили туда, и всегда одни».

И эта клятва на Воробьёвых горах, как нам всегда говорили, вознесла дружбу Герцена и Огарёва на такую высоту, с которой «вся их последующая жизнь сливалась в одну единую жизнь». Да что там – говорили. 11 декабря 1978 года на том месте даже открыли стелу, сложенную из гранитных блоков. На бронзовом свитке там изображены портреты Герцена и Огарёва, а на граните высечено: «Здесь в 1827 году юноши А. Герцен и Н. Огарёв, ставшие великими революционерами-демократами, дали клятву не щадя жизни бороться с самодержавием».

ЯКОВЛЕВ, ОН ЖЕ ГЕРЦЕН (КАНОНИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ)

Александр Иванович Герцен родился в Москве в 1812 году в семье богатого помещика Ивана Алексеевича Яковлева. К стати сказать, ставшую известной фамилию Герцен (от немецкого «herz» – «сердце») придумал сыну отец, и связано это было с тем, что его брак с матерью Александра Ивановича – немкой Генриеттой-Вильгельминой-Луизой Гаг – официально так и не был оформлен.

В 1847 году Герцен навсегда уехал из России. Какое-то время он жил во Франции, потом натурализовался в Швейцарии, затем переехал в Ниццу, затем – в Лондон, где им была основана русская типография для печатания всевозможных запрещенных изданий. С 1857 по 1867 год Герцен вместе со своим другом Огарёвым издавал еженедельную бесцензурную газету «Колокол», которую не без оснований называли «голосом и совестью эпохи».

Умер Александр Иванович в январе 1870 года в Париже, однако впоследствии его прах был перенесен с парижского кладбища Пер-Лашез в Ниццу.

Вот, собственно, и все, что можно прочитать об этом человеке, канонизированном в советское время, в любой энциклопедии. О его бурной жизни в эмиграции известно гораздо меньше. А вот о почти

Н. ТУЧКОВА, А. ГЕРЦЕН И Н. ОГАРЁВ

невероятных событиях, произошедших в его личной жизни, знает только узкий круг специалистов – историков и литературоведов.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА И СМЕРТЬ ЖЕНЫ ГЕРЦЕНА

По всему выходит, что Герцен совершенно искренне считал, что бороться с нечеловеческими условиями русской жизни можно, лишь находясь за границей.

Конечно же, самым удобным местом для борьбы за освобождение России была Ницца, и Герцен в основном жил в этом прекрасном средиземноморском городе, который не был еще тогда французской территорией.

Короче, «декабристы разбудили Герцена», а с ним вдруг разыгралась семейная драма, нанесшая ему страшный удар в самое сердце. Дело в том, что жена Александра Ивановича вдруг не просто влюбилась в революционера и автора возвышенных стихов о величии души и справедливости Георга Гервега, но и стала его любовницей.

Надо сказать, что Герцен любил Наталью Александровну Захарьину с детства. Она была его кузиной, а точнее – незаконнорожденной дочерью Александра Алексеевича Яковлева (старшего брата отца Герцена). В 1838 году они поженились, а через несколько лет вместе покинули Россию (как потом оказалось, навсегда).

Следует отметить, что Наталья много болела. Связано это было с тем, что практически каждый год, начиная с появления

на свет в 1839 году сына Александра, она рожала детей. К несчастью, второй, третий и четвертый ее ребенок умерли сразу после родов, пятый – сын Николай – родился глухим, а седьмой – дочь Лиза – прожил всего одиннадцать месяцев. В 1850 году родилась Ольга.

Георг Гервег был личностью по-своему незаурядной: он был в близких отношениях с молодым Карлом Марксом, в круг его друзей входил Рихард Вагнер...

Герцен узнал о любви своей жены к Гервегу в январе 1851 года. Его терзания по этому поводу нашли свое отражение в его произведении «Былое и думы», где им посвящена целая глава.

Герцен считал действия Гервега преступлением и признавал, что сердце его жены «было потрясено». Неизбежные последствия этого испугали его, и он писал: «Еще не было сказано ни слова, но уже сквозь наружную тишину просвечивало ближе и ближе что-то зловещее, похожее на беспрерывно пропадающие и опять являющиеся две сверкающие точки на опушке леса и свидетельствующие о близости зверя. Все быстро неслось к развязке».

А потом семейная драма достигла своего апогея, и Герцен прогнал Гервега из своего дома. И тогда началась переписка, ибо его Наталья любила поэта вопреки рассудку, а он... обнародовал ее письма, снабдив их достаточно едкими комментариями. Это была роковая ошибка! Супруги объяснились, и обманутая изменница назвала расхождение с мужем «страшной ошибкой»...

А в 1852 году жена Герцена умерла.

После этого Герцен переехал в Лондон и там, в 1853 году, основал Вольную русскую типографию, чтобы вслух, на весь мир и без помех обращаться к русскому народу. В

1855 году он выпустил в свет первый выпуск «Полярной звезды» (альманаха, названного так в честь альманаха декабристов), а в 1857 году, вместе со своим другом Огарёвым – первый лист первой русской бесцензурной газеты «Колокол».

МНЕ В БУДУЩЕМ НИЧЕГО НЕТ...

10 июня 1851 года, обращаясь к Огарёву, Герцен написал: «Вместе входили мы в жизнь... Я дошел <...> не до цели, а до того места, где начинается спуск <...> Для себя я больше ничего не жду, ничто не удивит меня, ничто не порадует глубоко. Удивление и радость обузданы во мне; воспоминаниями былого, страхом будущего. Я достиг такой силы безразличия, безропотности, скептицизма, иначе говоря – такой старости, что переживу все удары судьбы, хоть я равно не желаю ни долго жить, ни завтра умереть».

По сути, жена, вера в революцию, в республику – все для него тогда погибло. Он работал словно по инерции. И он с горечью констатировал: «Мне в будущем ничего нет, и нет мне будущего».

Впрочем, жить ему оставалось еще 18 лет. Целых восемнадцать лет! Немало для человека, утверждавшего, что у него нет будущего.

НАТАЛЬЯ № 1 И НАТАЛЬЯ № 2

Перед смертью Наталья Александровна не раз говорила, что хотела бы доверить воспитание детей Наталье Алексеевне Тучковой. Жена Герцена любила ее, называла ее «моя Консуэло» (по-испански consuelo – это утешение, успокоение, отрада) и верила, что только Тучкова сумеет заменить мать осиротевшим детям.

Упомянутая Наталья Алексеевна Тучкова родилась в 1829 году в селе Яхонтово и была дочерью предводителя пензенского дворянства и участника событий 1825 года А. А. Тучкова, человека в высшей степени благородного и хранившего заветы декабристской чести. Она получила хорошее домашнее образование, а в 17 лет откликнулась на чувства... Николая Платоновича Огарёва. И в 1849 году она стала его гражданской женой.

Как две Натальи стали подругами – это отдельная история.

Они сблизились во время совместного путешествия их семей по Европе в 1847–1848 годах. Вскоре у 20-летней Тучковой начался роман с Огарёвым. И ее не оставляло, что он старше на 15 лет и на данный момент все еще состоит в законном браке (в 1838 году он обвенчался с Марией Львовной Рославлевой). Не смущала ее и перспектива любовного многоугольника.

В своих «Воспоминаниях» Наталья Тучкова потом написала:

«В 1852 году Наталии Александровны Герцен не стало, а муж ее не переставал звать Огарёва, и потому <...> было решено, что мы поедем за границу на неопределенное время».

Это был весьма смелый поступок.

ПРОБЛЕМЫ В СЕМЬЕ ОГАРЁВА

Дело в том, что Мария Львовна, первая жена Николая Платоновича, проживавшая тогда в Париже, решительно отказала ему в официальном разводе. При этом сама она сошлась с молодым русским художником Сократом Воробьёвым, приятелем Огарёва. А потом она объявила о том, что беременна. Говорили, что это ребенок от того само-

из архива автора

го приятеля, но Огарёв согласился признать его своим. Изумление по этому поводу было всеобщим, а возмущенный Герцен выразил свое отношение к происшедшему следующим образом: «Да когда же предел этим гнусностям их семейной жизни?»

Но ребенок родился мертвым, и это явилось последним актом семейной драмы Огарёвых. Уже в декабре 1844 года супруги разъехались навсегда. И вот теперь Мария Львовна начала судебное преследование «мужа-изменника» по крупному, как она утверждала, денежному векселю, ранее выданному ей (в свое время полмиллиона рублей из отцовского состояния Николай Платонович даровал жене, а потом дело было оформлено так, будто Огарёв получил у нее эти деньги взаймы, обязавшись регулярно выплачивать ей годовые проценты).

Герцен в «Былом и думах» назвал это дикое упрямство Марии Львовны «ревностью без любви». А вот Авдотья Панаева, гражданская жена поэта Некрасова, поддерживала тогда Марию Львовну. Поддержал ее и сам Некрасов. Панаева, как говорят, потом сумела прибрать весь капитал своей почти обезумевшей и одинокой (Сократ Воробьев давно бросил ее) подруги к рукам, и она выплачивала Марии Львовне проценты, правда, совсем не так регулярно, как это делал Огарёв...

Как бы то ни было в этой неприглядной истории, для Огарёва и Тучковой создавалось тогда крайне тяжелое положение, которое могло привести к самым непредсказуемым последствиям.

Связь Тучковой с Огарёвым действительно создала массу проблем. В частности, А.А. Тучков, отец Натальи, настаивал, чтобы Огарёв на ней женился. Это привело в ярость его первую жену Марию. В результате, зимой 1848—1849 годов ее родственники, почтенные пензенские дворяне, донесли на Огарёва и Тучкова, объявив, что они занимаются «какими-то сочинениями в духе революционном». В доносе также утверждалось, что А.А. Тучков преспокойно взирает на растение своих дочерей, а Огарёв оставил жену и должен ей значительную сумму, «которую, конечно, и заплатил бы он, если бы не попал в коммунисты под руководство Тучкова».

Кончилось все это тем, что в 1850 году А.А. Тучков вместе с Огарёвым даже подвергся аресту и находился под тайным надзором полиции. А та доносила «наверх», что А.А. Тучков «носит бороду и обнаруживает перед молодыми людьми вольный и противорелигиозный образ мыслей».

Чуть позже генерал А.А. Куцынский, начальник Отдельного корпуса жандармов, разобравшись в сути дела, писал об Огарёве так: «Лично его не знаю, но слышал о нем, как о человеке, беспрдельно кротком, добром и самого слабого характера. Женат на Рославлевой, <...> безнравственной женщине, проживающей ныне в чужих краях. Огарёв хлопочет о разводе. Между тем приютился в семействе Тучкова и находится под непосредственным его влиянием и в самых близких отношениях с его дочерью, девицею Натальей».

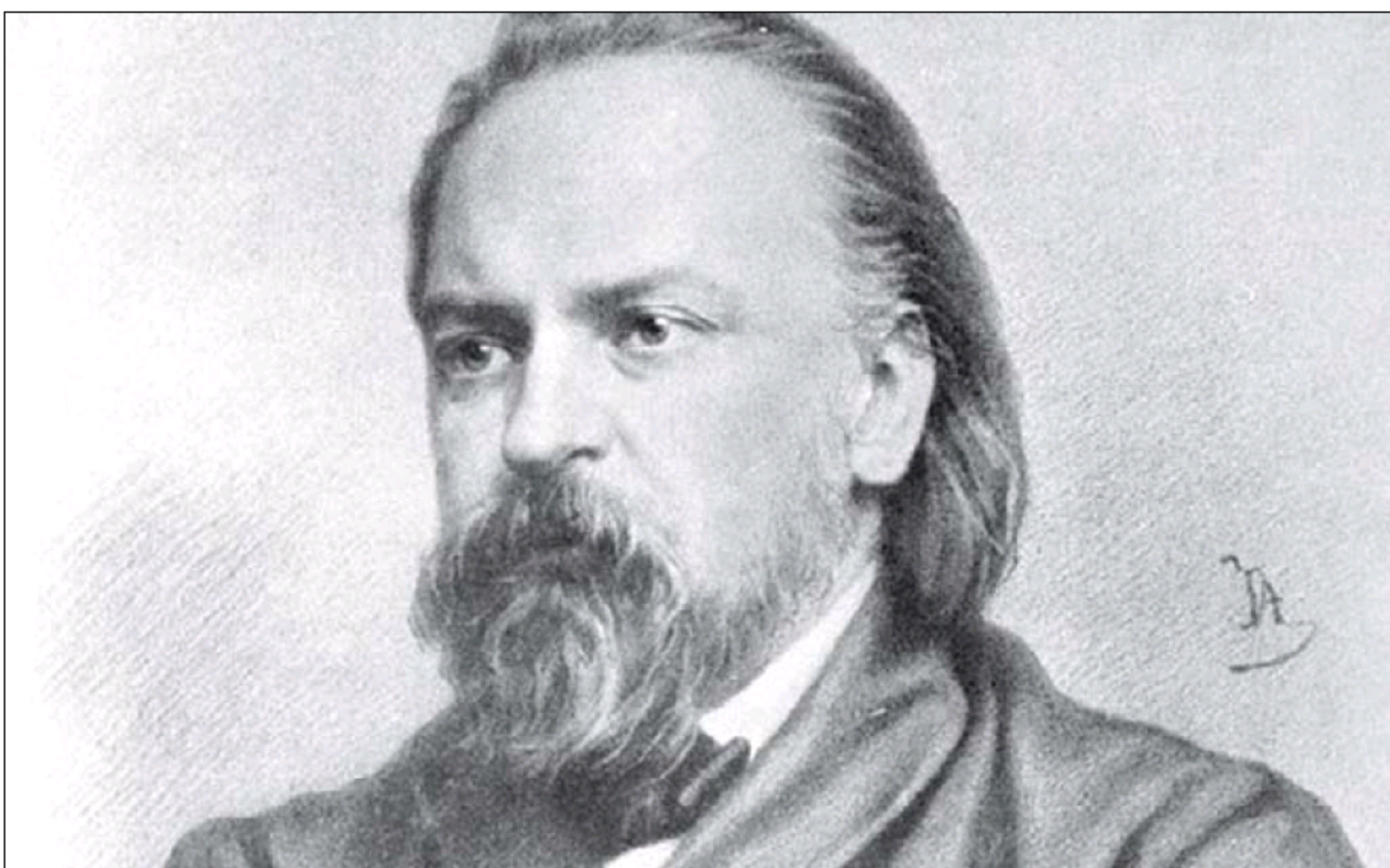
Лишь смерть Марии Львовны Огарёвой весной 1853 года позволила ее бывшему мужу оформить свой новый брак, а в начале 1856 года им с Натальей Тучковой удалось получить заграничные паспорта — «для излечения болезни» Николая Платоновича. Однако вместо объявленных минеральных вод в Северной Италии они проследовали в Лондон, к Герцену.

ЖИЗНЬ ВТРОЕМ

Итак, через несколько лет после смерти жены в Англию, где жил тогда Герцен с детьми, приехал Огарёв со своей женой. И тут произошли события, которых никто предвидеть не мог...

Наталья Тучкова полюбила Герцена, и для Огарёва, который был горячо привязан к ней, это стало тяжким ударом. И что удивительно, когда отношения Герцена и Натальи Алексеевны потом зашли в тупик, когда дети Герцена и сам Герцен были отравлены ядом постоянных ссор с ней, Огарёв в одном из писем Герцену написал: «Ты иногда мне намекал, что ты внес в мою жизнь горечь. Это неправда! Я в твою жизнь внес новую горечь. Я виноват».

И это написал человек, который много лет дружил с Герценом, который странным

А. ГЕРЦЕН

образом жил с ним, а заодно и с его женой. Понять подобное трудно, но, в принципе, можно, ведь любовь всегда приходит и уходит помимо нашей воли и нередко делает глупыми даже очень незаурядных людей.

Согласно «Воспоминаниям» Натальи Тучковой, 15 декабря 1864 года Герцен и Огарёв усадили ее с дочерью Лизой в вагон поезда, который отправлялся на юг Франции в Монпелье. Сам Герцен обещал скоро присоединиться к ним, и, в самом деле, они вскоре дождались его приезда. А потом Александр Иванович ненадолго уехал в Женеву и, встретившись там с сыном, вернулся на Лазурный Берег.

Они с Натальей Тучковой поехали в Канны, а оттуда — в Ниццу. Весной 1865 года из Ниццы они переехали на дачу близ Женевы. Дача эта, больше похожая на старинный замок, называлась «Шато де ля Буассьер». Места там было достаточно, и вскоре к ним из Италии приехали погостить дочери Герцена Наталья (Тата) и Ольга (напомним, что от первой жены у Герцена было трое детей: Александр, Наталья и Ольга).

Было у Герцена и трое детей от Тучковой. При этом все они (дочь Лиза, а также близнецы Елена и Алексей) официально считались детьми... Огарёва, про которого Герцен не раз говорил, что они с ним — «разрозненные тома одной поэмы».

Судьба этих детей сложилась трагически. Близнецы Елена и Алексей умерли от дифтерии: дочь — в ночь с 3 на 4 декабря, а сын — 11 декабря 1864 года. А вот экзальтированная Лиза покончила с собой во Флоренции, семнадцати лет от роду, от несчастной любви к respectableному (и счастливо женатому) французскому профессору Шарлю Летурно.

В СИЯНЬИ ГОРДОГО ПОКОЯ...

Последние годы жизни Герцена прошли преимущественно в Женеве, однако в 1869 году он вновь наведился в любимую Ниццу. В это время Огарёв остался в Женеве, и они продолжили общение друг с другом характерным языком XIX века — посредством писем.

В это трудно поверить, но Николай Платонович проявил в отношении своей изменницы-жены поразительное великодушие. При этом Герцен, похоже, и тут больше думал о мировых проблемах, чем о близких ему людях, спокойно наблюдая, каких огромных усилий стоило это его другу.

Герцен, как ни в чем не бывало, писал Огарёву: «В моей чистой близости с твоей подругой был для меня новый залог нашего trio».

Чистой близости? С твоей подругой? Вообще-то говоря, эта подруга была женой Огарёва, и они были венчаны в церкви. А это, особенно в XIX веке, было делом святым, фактически принятием обязательства в верности перед лицом самого Господа. Да

и в одной из заповедей говорится: не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его...

Удивительно, но Огарёв был, вроде бы, и не против этого тройственного союза. Правда, через некоторое время он предпочел удалиться.

В данном контексте совершенно по-особенному звучат написанные им строки:

Тот жалок, кто под молотом судьбы

Поник — испуганный — без боя:

Достойный муж выходит из борьбы

В сияньи гордого покоя...

ВСПЫШКА УСТАЛОГО СЕРДЦА

Однако деликатный уход Огарёва из любовного треугольника не принес добрых плодов. С каждым прожитым вместе с Герценом годом требовательность Натальи Тучковой росла, а вместе с этим росли раздражительность и неудовлетворенность. Это был какой-то замкнутый круг, и Александр Иванович понял, что жестоко ошибся, приняв свой порыв за любовь, сама же Тучкова весьма точно назвала его чувство «вспышкой усталого сердца». Но было уже поздно что-либо изменить. Короче говоря, их союз не принес радости никому.

Огарёв же «в сияньи гордого покоя» наблюдал за тем, как двое близких ему людей ранят и мучат друг друга. Как ни странно, хотя он и достаточно тяжело перенес разрыв с любимой женой, но его дружба с Герценом не охладела, о чем свидетельствуют его слова, написанные в 1861 году в одном из писем: «Что любовь моя к тебе так же действительна теперь, как на Воробьевых горах, в этом я не сомневаюсь».

А вот трое детей Герцена от первого брака находились с «мачехой» в разладе. Они относились к ней не просто недружелюбно, но иногда и откровенно враждебно. Они не желали понимать чувства отца и считали, что он дурно поступил в отношении своего лучшего друга.

2 февраля 1869 года Герцен написал Огарёву: «Обрывается все на мне. Что впереди — я издала не знаю и иду с завязанными глазами. Жизнь частная погублена. <...> Время идет, силы истощаются, пошла старость у дверей».

ЖИЗНЬ ОГАРЁВА С МЭРИ САЗЕРЛЭНД

А Николай Платонович в это время уже увлекся неким «погибшим, но милым созданием» — англичанкой Мэри Сазерлэнд. Она была почти неграмотной «падшей женщиной». Он познакомился с ней случайно, гуляя вечером по туманному Лондону. Озябнув, он забрел в какой-то полупустой паб и подсел там к молодой англичанке, поджидавшей случайных мужчин...

После этого они не расставались, так как сострадание к судьбе этой женщины, оказавшейся на самом дне жизни, быстро переросло у Огарёва в стойкую привязанность. Да, после всего, что он и сам пережил, он полюбил Мэри, не пожелав, как утверждает он сам в одном из писем, «завершить последний акт своей трагикомической жизни аристократической подлостью».

Вскоре Огарёв подыскал отдельную квартиру, где и поселился вместе с Мэри Сазерлэнд и ее пятилетним сыном, предполагаемый отец которого исчез, нанявшись матросом на торговое судно.

Вплоть до смерти Огарёва Мэри вела хозяйство, ухаживала за ним (он начал сильно пить, участились эпилептические припадки), была его и нянькой, и верной подругой.

Долгие годы именно она была для него одновременно и любовницей, и сестрой милосердия. Именно эта бесхитростная женщина, а не экзальтированная сторонница свободной любви, какой была Наталья Тучкова, оберегала его, как ребенка, предугадывая время его припадков.

И именно ей он посвятил следующие строки:

Как благодарен я тебе

За мягкость ласки бесконечной...

По всей видимости, эта простая добрая женщина и не задумывалась при этом о «трагикомичности своей жизни» и о каких-то там «аристократических подлостях». Она и слов-то таких не знала, зато вот десять простых христианских заповедей не были для нее чем-то, имеющим отношение к кому угодно, но только к другому...

К Генри, сыну Мэри Сазерлэнд, Огарёв относился по-отцовски, а еще у них воспитывался... первый внук Герцена по прозвищу Тутс. Мальчик этот был незаконнорожденным сыном Александра Александровича Герцена и Шарлотты Гетсон, которая в начале июня 1867 года покончила с собой, бросившись в воды Женевского озера.

ГРАНЬ, ЗА КОТОРОЙ ПРЕКРАЩАЕТСЯ БОЛЬ

В 1869 году Огарёву было 56 лет, а Герцену — 57 лет.

По отзывам современников, тяжелая болезнь настолько подточила физические силы Огарёва, что он выглядел «глубоким стариком». Тем не менее дух его был непоколебим.

Здоровье Герцена также было совершенно разрушено. Ему хотелось лишь одного — покоя и устроенности. И как же тяжелы были выпавшие на его долю лихорадочные скитания последних лет — Париж, Ницца, Цюрих, Флоренция, Женева, Брюссель...

9 (21) января 1870 года Герцена не стало. Он был похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез, однако позже его прах был перевезен в Ниццу и погребен рядом с могилой детей и его любимой Натальей № 1.

Его друг Огарёв умер 31 мая (12 июня) 1877 года в небольшом английском городке Гринвиче: у него прямо на улице случился очередной припадок, при падении он повредил себе позвоночник и умер через несколько дней, не приходя в сознание. Его похоронили на гринвичском протестантском кладбище, и лишь в 1966 году его останки были перевезены в Москву и похоронены на Новодевичьем кладбище.

Так не стало этих двух очень странных (в том числе и по современным весям) либеральных и раскрепощенных людей, принесших некогда друг другу клятву на Воробьевых горах.

Что же касается Натальи № 2, то ее дальнейшая судьба сложилась трагически. Умерли Герцен и Огарёв, покончила с собой ее дочь Лиза... Все было в прошлом, и одновременно с этим впереди ее ждало еще почти сорок лет жизни, холодной и полной одиночества. ■

“ «Декабристы разбудили Герцена», а с ним вдруг разыгралась семейная драма, нанесшая ему страшный удар в самое сердце.

ЗАМУЖЕМ ЗА МАФИЕЙ

Как роман между голливудской звездой Ланой Тёрнер и лос-анджелесским гангстером Джонни Стомпанато стал причиной громкого убийства

Сергей МАНУКОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В 1962 году вышел в свет очередной роман короля бестселлеров Гарольда Роббинса с романтическим названием – «Куда уходит любовь?». В нем рассказывалось о том, как взбалмошные мать и несовершеннолетняя дочь не смогли поделить любовника и убили его. Ни для кого не было секретом, что сюжет одного из своих самых популярных романов Роббинс взял из реальной жизни – из материалов громкого судебного процесса, главными действующими лицами которого были известная американская актриса Лана Тёрнер и ее 14-летняя дочь.

Родилась Джулия Джин Милдред Фрэнсис Тёрнер (настоящее имя актрисы) 8 февраля 1921 года в маленьком шахтерском городке Уоллес, штат Айдахо, в семье шахтера. Родители с трудом сводили концы с концами. Отцу, заядлому игроку в покер, нередко приходилось пополнять скромный семейный бюджет игрой в карты.

В 1929 году, после успешного вечера за картами, Джон Тёрнер неосмотрительно похвалился крупным (по местным меркам) выигрышем и громко заявил, что собирается купить дочери велосипед. Домой он в тот вечер так и не пришел. Его труп с проломленной головой нашли в канаве, рядом валялся пустой бумажник.

ДЕВОЧКА В СВИТЕРЕ

Мать увезла девочку в Лос-Анджелес, где та до 15 лет вела ничем не примечательную жизнь. В 1937 году в кафе «Цилиндр» Джулия попала на глаза редактору «Голливудского репортера» Билли Уилкерсону. Она произвела на Уилкерсона столь сильное впечатление, что он дал ей визитку и познакомил с агентом Зеппо Марксом. Маркс выбил ей роль без слов в малобюджетном фильме Мервина Лероя «Они не забудут».

Картина получилась слабая, и о ней сейчас помнят лишь потому, что она стала дебютом Тёрнер в кино. Критики, зрители и киностудии сразу обратили внимание на свежую красивую девушку в облегающем свитере. Вскоре за ней закрепилось это прозвище – Девочка в свитере.

«Уорнер Бразерс» заключила с 16-летней девочкой контракт. Там же она получила более подходящее имя – Лана. В 1937-м Лана снялась еще в трех фильмах. О ней заговорили в 1939 году, после выхода на экраны мелодрамы «Роскошные девушки», где ее партнером был Лили Айерс. В 19 лет она уже была голливудской звездой.

Если с карьерой у Ланы Тёрнер все складывалось как нельзя лучше, то в личной жизни проблем хватало. Первое замужество, как и пять последующих, оказалось неудачным. На съемках музыкального фильма она познакомилась с руководителем оркестра Арти Шоу, которого не любили за высокомерие даже в его собственном оркестре. Арти считал себя интеллектуалом, которому волею судьбы приходилось зарабатывать на жизнь музыкой. Своим же настоящим призванием он считал литературу и мечтал стать писателем.

Несмотря на неожиданно свалившуюся славу, Лана Тёрнер оставалась в 19 лет наивной девушкой. Семейная жизнь не заладилась с самого начала. Хотя Лана никогда не была душой, Шоу сразу же дал ей понять, что в отношении интеллекта не считает ее равной. Он требовал, чтобы она проще одевалась, не красилась и всегда была под рукой. Все это, а также его ревность к кино

через год заставили их со скандалом развестись.

Вторым мужем Ланы был владелец ресторана Стивен Крейн, человек, далекий от кино. Их брак 17 июля 1942 года наделал немало шума, потому что через два месяца после свадьбы Крейн узнал, что его развод с первой женой в Мексике считается в США недействительным.

Он срочно развелся как положено и вновь женился на Лане. Вторую свадьбу они сыграли незадолго до того, как она родила девочку. Несмотря на рождение Шерил, второй брак не оказался удачнее первого. Правда, после развода супруги остались друзьями.

МАФИЯ И ГОЛЛИВУД

Тридцатые годы прошлого века вошли в историю Америки как период расцвета организованной преступности. Манимые легкими и большими деньгами гангстеры ринулись в Калифорнию еще в начале века, когда в 1911 году на бульваре Сансет открылась первая киностудия «Нестор».

Калифорния оказалась не менее благодатным местом для мафии, чем Нью-Йорк или Чикаго. К тому времени Лос-Анджелес уже был городом иммигрантов, а там, где иммигранты и бедность, всегда есть место преступности.

Одним из первых на запад перебрался Бен Багси Сигель, выбивавший деньги из звезд и киностудий при помощи профсоюза статистов. Багси в Голливуде не только принял, но и... полюбили. Благодаря давней дружбе с актерами Джорджем Рафтом и Кетти Галлиан у него были обширные свя-

зи в мире кино, редкая голливудская вечеринка обходилась без его участия.

После убийства в 1947 году Сигеля «смотрящим» в Голливуде стал Микки Коэн. Это был опытный бандит, переживший пять покушений. Он, по слухам, «кормил» полицейское управление Лос-Анджелеса и умер естественной смертью в 1976 году.

Микки Коэн сыграл в жизни Ланы Тёрнер роковую роль, потому что взял в свою банду Джонни Стомпанато.

Джонни вошел в жизнь Ланы в 1957 году. В то время она как раз развелась с четвертым мужем и была готова для нового романа.

Стомпанато начал каждый день присылать цветы. Узнав, какая музыка ей нравится, он завалил ее пластинками любимых певцов и музыкантов.

«Самый черный период в моей жизни, — написала Тёрнер в автобиографии, — начался с цветов и невинного приглашения заголовком в газетах и смертью».

Джонни Стомпанато, представившийся Лане Джоном Стиллом, был мускулистым красивым мужчиной с густыми волнистыми волосами и идеальной кожей оливкового цвета. До переезда в Голливуд он служил в морской пехоте, женился на турчанке и даже перешел в ислам. После войны Стомпанато какое-то время жил в Китае.

В 1948 году Джонни работал вышибалой в одном из ночных клубов Микки Коэна. Его голливудская внешность и повадки плейбоя не остались без внимания шефа. Через несколько месяцев он уже охранял Микки и зарабатывал 300 долларов в неделю, огромные по тем временам деньги.

Кроме охраны, Стомпанато исполнял и обязанности кассира. В мафии такое встречалось часто. Микки Коэн официально владел лишь маленьким цветочным магазином, и ему было трудно объяснить наличие больших денег. Телохранителей обыскивали значительно реже, поэтому они носили не только оружие, но и деньги.

Жил Джонни Стомпанато на деньги богатых пожилых красавиц. Как только у подружки заканчивались деньги, он бросал ее и быстро находил другую. Перед знакомством с Тёрнер Джонни был как минимум дважды женат, но оба брака продлились недолго.

«ОСКАР» И ДЖОННИ

Роман между Ланой Тёрнер и Джонни Стомпанато развивался со скоростью курьерского поезда. Она лишь через несколько месяцев узнала от одного из друзей его настоящее имя и род занятий. К тому времени они уже были любовниками.

Джонни завалил Лану и Шерил подарками, начиная с драгоценностей и заканчивая картиной с изображением лошади в натуральную величину. Достаточно сказать, что Лана снималась в «Пейтон-Плейсе» в драгоценностях Стомпанато. Всякий раз, когда она после его смерти видела этот фильм, по спине у нее начинали бегать мурашки.

С одной стороны, новый друг Ланы был гангстером и, следовательно, был опасен, но с другой — как мужчина он казался ей чертовски привлекательным.

Уезжая в Великобританию на съемки картины «В другой раз в другом месте», где ее партнером был Шон Коннери, и прощаясь с Стомпанато в Лос-Анджелесе, Лана втайне надеялась, что он забудет ее, но в Лондоне почувствовала одиночество и сама попросила его приехать.

Джонни было скучно. Он злился из-за того, что Лана стеснялась показываться с ним на людях. В британской столице он первый раз поднял на нее руку. Когда Тёрнер во время ссоры захотела вызвать портье, он ее чуть не задушил.

В Великобритании Джон Стомпанато находился нелегально, по паспорту Джона Стила. Лана позвонила в полицию, и его депортировали.

Перед возвращением в Голливуд, где ее ждал недовольный Джонни, Лана Тёрнер решила отдохнуть в Акапулько, подальше от Лос-Анджелеса, буйного кавалера и строптивой дочери. Черил в свои 14 лет уже успела натворить немало глупостей: она не раз убежала из дома и католической школы-интерната.

Тёрнер никого не предупредила о поездке в Мексику, но в аэропорту Мехико ее встретила толпа репортеров и... Джонни Стомпанато. В Акапулько Джонни вел себя еще хуже, чем в Лондоне. Однажды, когда Лана вышла из себя и показала ему на дверь, он даже выхватил револьвер.

Гангстер обрадовался не меньше Ланы, когда стало известно, что ее выдвинули на «Оскар» в номинации «Лучшая актриса» за роль в «Пейтон-Плейсе». Однако его радость улетучилась после того, как Тёрнер твердо сказала, что на церемонии вручения наград она отправится одна.

Весь мир облетели фотографии Ланы Тёрнер на праздничном ужине, посвященном церемонии вручения «Оскаров». В пышном белом платье без бретелек она была ослепительно красивой. Между ней и Шерил сидел Кэрри Грант.

В это самое время перед телевизором в особняке 730 на Норс-Бедфорд-драйв в Беверли-Хиллз, который незадолго до этого сняла Лана, сидел Джон Стомпанато. С каждой минутой у него все сильнее портилось настроение. К возвращению подружки он уже был близок к бешенству.

«Сегодня ты оставила меня дома одного в последний раз!» — закричал он ей вместо приветствия.

Сначала Стомпанато упрекнул ее в том, что она проиграла, потом стал ругать за то, что она в последнее время много пьет, а закончил привычными пощечинами и зуботычинами.

После второго удара Лана упала, но он поднял ее и нанес еще один сильный удар. Она отлетела к бару, на пол посыпались стаканы.

Джонни вновь поднял ее, крепко обхватил за плечи и угрожающе спросил: «Теперь ты понимаешь? Ты никогда никуда больше не пойдешь одна. Никогда!»

Свои слова он подкрепил еще несколькими ударами.

Рано утром на следующий день после церемонии Лана лежала в постели с разбитым лицом и не могла уснуть. Рядом с ней мирно посапывал Джон Стомпанато, еще не подозревающий, что его жизнь стремительно приближается к трагическому концу.

ТРАГЕДИЯ

Вечером в Страстную пятницу, 4 апреля 1958 года, Лана Тёрнер и Джонни Стомпанато, как обычно, громко выясняли отношения.

Шерил сидела у себя рядом с комнатой матери и испуганно прислушивалась к громким голосам. Лана пообещала ей окончательно порвать со Стомпанато.

Девочка, конечно, видела синяки на лице матери и знала, что любовник бьет ее. Лана запретила ей рассказывать о побоях кому бы то ни было, включая отца и бабушку, и призналась, что из страха не может расстаться с ним. Шерил посоветовала матери обратиться в полицию, но этого из-за неминуемой огласки Лана боялась больше всего. Она опасалась, что, если об ее романе с гангстером узнают газетчики, ее карьера будет окончена.

Шерил подошла к двери комнаты матери и попыталась успокоить разбушевавшихся взрослых.

«Шерил, отойди от двери! — крикнула в ответ Лана. — Иди к себе!»

Девочка попросила мать открыть дверь.

«Возвращайся к себе, — повторила Лана. — Джон сейчас уйдет».

Конечно же, Стомпанато не собирался никуда уходить. Вместо этого он пригрозил Лане изрезать ножом ее лицо так, что на нее никто больше даже не взглянет, и убить бабушку и Шерил.

Пока Лана и Джонни ругались за закрытыми дверями, девочка спустилась на кухню и взяла из ящика нож для разделки мяса с 25-сантиметровым лезвием.

Когда она вернулась наверх, ссора приближалась к концу. Джонни Стомпанато, похоже, действительно надумал уходить.

Лана наконец открыла дверь. Стомпанато достал плащ из гардероба, перекинул его через руку и двинулся к двери. Шерил показала, что в свободной руке он держит какое-то оружие, и она... ударила его ножом в живот.

«О Господи, Шерил, что ты наделала!» — прохрипел Джон и как подкошенный рухнул на пол.

Шерил выронила нож и попятилась к двери. Лана отвела рыдающую дочь в ее комнату и вернулась к себе.

Джонни лежал на ковре без сознания и хрипло дышал. Она положила нож в раковину в мраморном баре, позвала мать и позвонила доктору.

Когда приехал семейный врач Тёрнеров, Лана безуспешно пыталась оживить Стомпанато при помощи искусственного дыхания. Доктор сделал ему укол адреналина в сердце, но все было бесполезно. Джонни Стомпанато скончался.

В «золотой век» Голливуда главным адвокатом по криминальным делам, услугами которого пользовались нарушившие закон звезды, был Джерри Глейзер. В свое время он успешно защищал от обвинений в изнасиловании Чарли Чаплина и Эррола Флинна и представлял Мэрилин Монро в бракоразводном процессе с Димаджио. Его услуги стоили дорого, но они того стоили.

В конце пятидесятых годов слова «позовите Глейзера» были в Голливуде популярной шуткой, но сейчас Лане Тёрнер было не до смеха. Вызвав доктора, она позвонила Глейзеру, все ему рассказала и попросила связаться с полицией.

Вместе с полицией в особняк Ланы Тёрнер нагрянули репортеры. На следующее утро первые полосы газет украшали фотографии

Джона Стомпанато, умирающего на полу спальни Ланы Тёрнер.

Лана и Шерил отправились в управление полиции Беверли-Хиллз в лимузине Глейзера.

ПЛАН КОЭНА

Официально труп Стомпанато опознал его босс Микки Коэн. Как выяснилось, именно он был «крестным отцом» их романа. Микки не только подослал Джонни к Лане, но и снабжал его информацией обо всех ее передвижениях и планах. Он же оплачивал и немалые расходы. Делал Микки Коэн это все потому, что у него имелись большие виды на кинозвезду. Он хотел ее шантажировать.

Через пару недель после убийства одна из служанок Ланы передала Глейзеру запечатанный пакет, который дал ей на хранение Джонни незадолго перед смертью. В нем находились фотографии обнаженной Тёрнер во сне, сделанные для будущего шантажа, и пленки. На одной из пленок он был запечатлен в момент любви с какой-то женщиной, похожей на Лану. Ее лица не было видно, фигурой же она очень напоминала актрису. Нетрудно догадаться, что гангстер хотел использовать для шантажа и эти снимки.

Узнав, что компрометирующие фотографии попали не по назначению, Коэн не сдался. Теперь он рассчитывал на любовные письма от Ланы, которые хранились у Джонни. Его люди выкрали письма из квартиры Стомпанато, и он отправил их в редакцию «Лос-Анджелес Геральд Экзаминер», где они и были напечатаны накануне слушания.

Поняв, что получить деньги с Тёрнер теперь едва ли удастся, Микки решил уничтожить ее карьеру.

РОЛЬ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Шерил Крейн первую после убийства ночь провела в тюрьме Беверли-Хиллз, на следующее утро ее перевезли в тюрьму для несовершеннолетних. На предварительном слушании Джерри Глейзер пообещал доказать, что смерть Джона Стомпанато была убийством при оправдывающих обстоятельствах, и попросил отпустить девочку под залог под опеку бабушки. Судья решил, что на свободе на нее могут оказывать сильное давление не только мафия, но и мать, и в просьбе отказал.

Глейзеру удалось добиться, чтобы Шерил, проходившая по делу как свидетельница, не давала показаний на слушании у коронера, которое состоялось через неделю после убийства.

Через два десятилетия после того, как встреча в кафе на бульваре Сансет изменила всю ее жизнь, Лане пришлось сыграть свою главную роль. На кону стояла не позолоченная статуэтка и не рецензии критиков, а судьба ее дочери.

Дело вызвало огромный интерес. Из 160 мест в зале суда 120 были зарезервированы для журналистов. Крупнейшие телекомпании транслировали слушание в прямом эфире на всю страну.

Через неделю после смерти Джонни кассовые сборы «Пейтон-Плейса», к тому времени уже ставшего популярным фильмом, выросли на треть. По злой иронии судьбы, одной из ключевых сцен этой мелодрамы было судебное разбирательство, в котором героине Ланы Тёрнер приходится рассказывать о преступлениях, совершенных... ее дочерью.

Длинные очереди за билетом на одно из 40 свободных мест в зале суда, несмотря на жару, образовались уже в шесть часов утра. Без нескольких минут девять Лана Тёрнер, Джерри Глейзер и Стивен Крейн, отец Шерил, вошли в здание.

Сначала дал показания Микки Коэн, опознавший тело Стомпанато. Результаты вскрытия зачитал коронер. Из них следовало, что спасти Джонни было невозможно. Нож рассек печень и проткнул аорту.

Затем к свидетельскому месту направилась Лана Тёрнер. На ней был строгий костюм из серого шелка, шляпка и белые перчатки. Из ее идеальной прически не выбивался ни единый волосок. Несмотря на бессонную ночь, у нее не было кругов под глазами. Нежно-розовая кожа красиво оттеняла кристально чистые голубые глаза, длинные ресницы и тоненькие брови.

Лана села на стул, с глубоким вздохом сняла элегантные перчатки и, комкая кружевной платок, сказала дрожащим голосом: «Все произошло очень быстро. Мне показалось, что она просто ударила его кулаком в живот...»

Тёрнер целый час отвечала на вопросы коронера, его заместителя и Глейзера, а жюри присяжных, состоявшее из десяти мужчин и двух женщин, с замиранием сердца ловило

каждое ее слово. При этом она старалась смотреть в угол комнаты, где стоял американский флаг.

После перерыва дали показания детективы, приехавшие в особняк Тёрнер. Кое-что их озадачило.

Во-первых, несмотря на то, что нож был куплен в день убийства, на нем были царапины, будто им долго пользовались. Во-вторых, на ноже не нашли отпечатков пальцев. В-третьих, ни в комнате Ланы Тёрнер, ни на ее одежде не было ни единого пятнышка крови. В спальне царил образцовый порядок, как будто там не было никакого убийства. И наконец, в-четвертых, криминалисты обнаружили на ноже «несколько светлых и темных волокон или волосинок, происхождение которых не удалось установить».

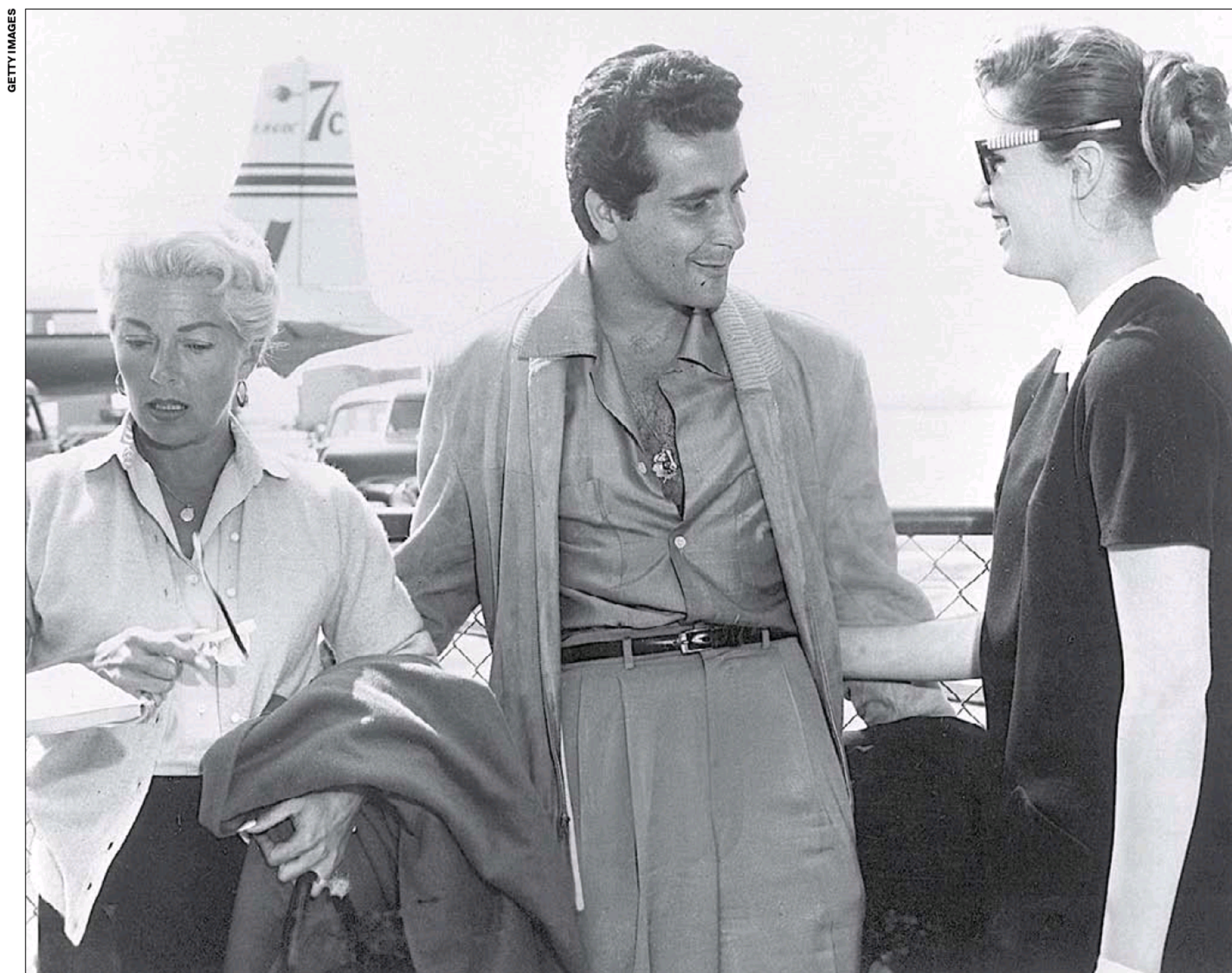
Присяжные совещались недолго. Через полчаса они пришли к выводу, что смерть Джона Стомпанато была убийством при оправдывающих обстоятельствах. Опасаясь за свою жизнь и жизнь матери, Шерил Крейн имела право воспользоваться всеми оказавшимися под рукой средствами, чтобы остановить разбушевавшегося Джонни.

На следующий день окружной прокурор Маккессон заявил, что не будет обвинять Шерил в преднамеренном убийстве. Взбешенный решением коронера Микки Коэн сразу же после слушания язвительно заявил журналистам: «Впервые в жизни вижу, как покойного обвиняют в том, что он сам себя убил. Послушать присяжных, так Джонни выходил из комнаты и случайно напоролся на нож».

Однако неприятности для Ланы Тёрнер еще не закончились. Родственники Джонни Стомпанато подали в суд иск на миллион долларов. Она уговорила их забрать иск за 20 тысяч.

Шерил Крейн провела несколько месяцев в реабилитационном центре, после чего переехала к бабушке. Впоследствии она занялась ресторанным бизнесом с отцом и сейчас является успешной бизнесвумен.

Для Ланы Тёрнер убийство любовника послужило новым толчком в карьере, которая в конце пятидесятых явно пошла на спад. Следующая картина Ланы, «Имитация жизни», стала самым кассовым фильмом с ее участием. Она снялась еще во множестве фильмов и скончалась 29 июня 1995 года от рака в Калвер-Сити.

ЛАНА ТЁРНЕР С ДЖОННИ СТОМПАНАТО И ЕЕ ДОЧЕРЬЮ ШЕРИЛ КРЕЙН

«Мне нужен был кадр, которого ни у кого НЕТ»

Многие поклонники музыки знают, что ровно 47 лет тому назад, в феврале 1971 года, началась феноменальная сольная карьера короля поп-музыки Майкла Джексона. Ровно 22 года назад Джексон дал свой знаменитый концерт на московском стадионе «Динамо». О том, как была сделана уникальная фотосессия американского певца, в том числе знаменитый кадр «Джексон и Давид», вспоминает известный российский фоторепортёр Анатолий Белясов.

Анатолий БЕЛЯСОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Джексон дважды приезжал в Россию — в 1993-м и 1996-м. Как он гулял по Красной площади, как начальник службы охраны президента Ельцина Коржаков ему саблю дарил — снимали все. Мне нужен был кадр, которого нет ни у кого.

Когда он должен был прилететь на гастроли в 1996-м, все уже слышали о скандале — якобы он с детьми живёт. Естественно, все журналисты — там толпа человек 300 — кинулись встречать его в аэропорт Шереметьево. А я в этот момент приехал из деревни, картошку привёз и сижу дома. Знакомый фотограф звонит: «Ты поедешь Майкла Джексона снимать?» «Да ну его, пед... ка американского!» Он говорит: «Понятно! Он тебе неинтересен, потому что ты его хр... н снимаешь! К нему же на пушечный выстрел не подпускают...» Что?! Ах так! Я быстренько собрался, кофр с фотоаппаратом в зубы — и на Арбат. Там стоял специальный автобус для журналистов, освещающих визит этого короля поп-музыки. Набил полный автобус! Приезжаем в Шереметьево, а погода противная, дождик моросит. Всех журналистов загнали за железный забор — ждать, пока самолёт приземлится, чтобы фотографировать его в зоне прилёта.

Ну, думаю, тут делать нечего. Рядом ментовская BMW. Подхожу, стук по окошку, окно тонированное опускается — там майор: «Чего тебе?» Я говорю: «Не поможете жертве чеченской войны?» Он: «Что — в Чечне был? Залезай!» Разговорились. Я рассказал, как с Джохаром Дудаевым на руках, кто кого уложит, соревновался. Войну вспомнили. Оказалось, одни края излазили. Говорю: «Помоги к самолёту попасть». «Нет проблем! Мы же этого Джексона сопровождаем. Поехали!» Выезжаем на территорию аэропорта. Майор кому-то по рации: «562-й! Сейчас к тебе подойдёт весёлый усатый парень в джинсовой куртке. Обрати на него внимание!» Тот: «А я... а у меня...» «Молчать! Сказал: возмём!» Я к этой машине подбежал, веши кинул... Самолёт садится. Рядом человек тридцать детишек, их учительница — встречают Джексона с хлебом-солью. И полным-полно охраны — глазами так и стреляют в мою сторону. Я быстро взял у девочки хлеб-соль, вроде как я с ними. Учительница как завизжит: «Хулиган!» Вижу: ко мне уже шагает шкаф-охранник с наушником и рацией. Что делать? Куда бежать? А дождик всё настойчивее. Смотрю: чуть дальше — военный оркестр и во главе знаменитый дирижёр, генерал-майор, стоит мокнет. Выхватываю зонт, бегом к нему: «Маэстро! Золотые руки России надо беречь!» И зонт над ним раскрываю. Этот охранник посмотрел: дирижёр хлопает меня по плечу, смеётся. И прошёл мимо. В этот момент Джексон спускается по трапу...

МАЙКЛ ДЖЕКСОН И ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ АНАТОЛИЙ БЕЛЯСОВ

А его концерты организовывал известный бизнесмен и меценат Шабтай Калманович (которого потом, в 2009 году, расстреляли из автоматов в самом центре Москвы). Мы с ним долгие годы были в прекрасных отношениях — я брал у него интервью, мы часто пересекались на разных серьёзных мероприятиях, он меня знакомил с разными VIP-персонами, до которых журналисту было практически невозможно добраться. Я к нему подбежал: «Шабтай Генрихович! Возьми с собой. Классные снимки сделаю!» Он охроне: «Этот со мной!»

И я Майкла фотографировал в упор — как личный фотограф. Помню, когда мы на трёх машинах эскорта проезжали мимо железного забора, где стояли и давились около 300 моих коллег, я им помахал рукой: чего, мол, стойте, всё уже закончилось! Идите по домам! «Ну Белясов! Опять всех обманул!» Так и поехали — я на первой машине, Майкл на второй...

Сразу поехали в Музей имени Пушкина (Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. — Ред.). Приезжаем — опять всё оцеплено, мышь не

проскочит. Заходим в музей вчетвером: Калманович, Джексон, его менеджер-переводчик и я. Майкл в военном кителе, шляпе своей. Ниже меня на голову. Идём практически нос к носу. Вижу, что у него шея пятнами пошла и нос как приклеенный. Подходим к стенду с наградами России, с XVI века. Джексон показывает пальцем на какой-то орден: «Хау мач?» Ему переводят: это достоинство России, это бесценно и не продаётся. Майкл заартачился: мол, хочу и всё — куплю за любые деньги. Услышав новый отказ, как заорёт: «Фак ю!» И пошёл дальше. Что интересно, не много, но в музее были посетители. Но на Джексона — ноль внимания! Им и в голову не могло прийти, что это Джексон настоящий...

Вдруг Майкл стал статую Давида разглядывать, аж рот раскрыл. С одной стороны зашёл, с другой разглядывает. В какой-то момент замечаю: он стоит аккуратно между давидовых ног. Падаю на колени и как резаный ору: «Майкл! Блю скай!!!» Он поднимает голову, его глаза встречаются с «хозяйством» Давида. Щёлк!

Только выхожу из музея — толпа иностранных журналистов: «Толя! Любые деньги платим — продай негативы». Когда я предложил снимок Джексона с Давидом агентству Reuters, главный посмотрел и говорит: «Господин Белясов! Берём! Только я сейчас позвоню в Лондон, в штаб-квартиру»... Приходит грустный: «К сожалению, мы не можем взять. В Лондоне сказали, что, если мы опубликуем эту фотографию, адвокаты Джексона выставят нам счёт не меньше чем на 5 миллионов долларов, а для нас это накладно». «Как хотите!» Дня не прошло, как другие мировые агентства у меня оторвали эту съёмку с руками.

Ещё один любопытный штрих к этой истории. Я сделал 15–20 лучших фотографий и повёз Майклу Джексону в гостиницу — на набережной возле Кремля. Постучал, вышел охранник. Я говорю: «Для Майкла». Он отнёс снимки ему в номер, через несколько минут выходит — в руках пачка не пачка, но приличная стопка долларов. И протягивает мне. «Ну, — говорю, — это рашин презент для короля музыки Джексона!» В этом же 1996 году на Всероссийском конкурсе «Серебряная камера» мне за этот снимок дали приз.

Об авторе:

Анатолий Белясов, известный российский фоторепортёр. Работал в журнале «Работница», в газетах «МК», «Совершенно секретно», «Комсомольская правда», «Известия». Побывал почти во всех «горячих точках». Обладатель Гран-при конкурса «Серебряная камера».

“ К сожалению, мы не можем взять. В Лондоне сказали, что, если мы опубликуем эту фотографию, адвокаты Джексона выставят нам счёт не меньше чем на 5 миллионов долларов.

Кайсын Кулиев: человек, который не боялся Сталина

История жизни великого балкарского поэта

Юлия ВЕРНИКОВСКАЯ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Этим летом исполнилось 33 года со дня смерти великого балкарского поэта, лауреата Ленинской премии и Государственной премии СССР Кайсына Кулиева. Имя народного поэта республики знает каждый из жителей Кабардино-Балкарии. Они гордятся, что являются земляками Кулиева. Его почитают не только за творчество: он стал поистине национальным героем. Кулиев не побоялся дважды отказаться от милостей всемогущего Иосифа Сталина, чтобы быть вместе со своим народом.

Дважды в год, в день рождения и день смерти Кайсына Кулиева, тысячи людей собираются с цветами у памятника в Нальчике, где делятся воспоминаниями о нем, читают его стихи, а затем оттуда едут в дом-музей Кулиева в Чегем. О том, что стихи Кулиева, положенные на музыку, звучат в исполнении Аллы Пугачёвой и Дмитрия Хворостовского, что он был дружен с Борисом Пастернаком и Константином Симоновым, а Чингизу Айтматову помог издать его первую книгу, знают многие. Но в первую очередь земляки Кайсына Кулиева рассказывают о том, как поэт в свое время дважды отказался от милостей Сталина, чтобы полностью разделить тяжелую участь своего народа.

«ЧЕМ Я ЛУЧШЕ ДРУГИХ?»

Поэтическая слава обрушилась на 25-летнего Кайсына в 1942 году, когда он с серьезной раной лежал в военном госпитале в Чебоксарах. Стихи балкарского парня прозвучали по Всесоюзному радио среди фронтовых сводок, что выглядело в тот момент достаточно необычно. Тогда поэтические строки Кулиева услышал Борис Пастернак, поделившийся удивлением с Александром Фадеевым, руководившим Союзом писателей СССР: 45 минут стихов никому не известного автора — и на всю страну!

«Пастернак выяснил, что звучали стихи молодого балкарского парня-фронт-

вика, лежащего в госпитале с серьезным ранением. Позвонив главврачу, он узнал, в каких условиях находится Кулиев, и договорился, чтобы из обычной палаты его перевели в двухместную. Тогда Кайсын выполнил просьбу Пастернака — перезвонил ему, как только смог встать, поблагодарил за внимание к его стихам, но от двухместной палаты категорически отказался, спросив: «Чем я лучше других?» — рассказывает балкарский поэт, президент Клуба писателей Кавказа Салих Гуртуев, хорошо знавший Кулиева.

С Кайсыном Кулиевым тогда же, в 1942-м, познакомились многие именитые советские писатели. Была организована творческая встреча с Кулиевым, на которой присутствовали Борис Пастернак, Константин Симонов, Николай Асеев и

другие. После нее Александр Фадеев заключил: «Настоящий горец и настоящий поэт».

Вскоре Фадеев написал письмо Иосифу Сталину с просьбой не посылать после ранения на фронт талантливого советского поэта Кулиева, а включить его в резерв Союза писателей, то есть отправить в тыл. Сталин даже в годы войны читал по 400 страниц в день, уделяя огромное внимание литературе. Например, звонил Илье Эренбургу, чтобы сказать, что книгу его прочел и никак не дожидается второй. Литература в понимании вождя была важным средством в борьбе с фашизмом, поэтому он выполнил просьбу Фадеева. Чтобы объявить Кайсыну о решении Сталина, члены СП СССР пригласили его в Переделькино. На

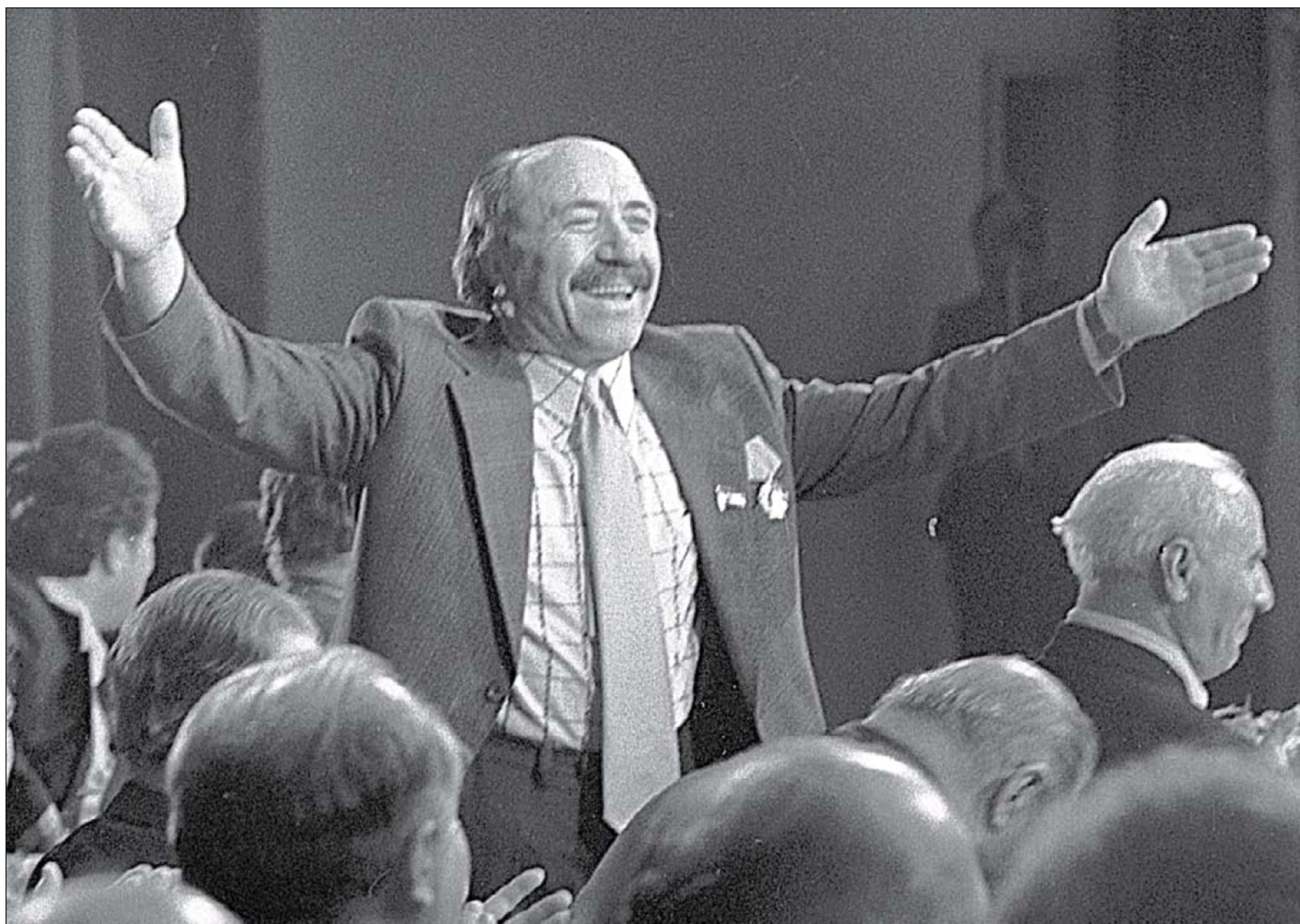
дружеской вечеринке присутствовали Фадеев, Симонов и Пастернак. Услышав о решении Сталина оставить его в тылу в числе лучших литераторов, Кайсын поставил на стол рюмку: «Спасибо. Но я поеду туда, где мои братья проливают кровь — под Сталинград».

Руководители Союза писателей СССР были шокированы решением молодого поэта. Все, на что они смогли уговорить упрямого коллегу, — пойти во фронтовую газету «Сын Отечества».

«Однажды отправили его в другую часть сделать «боевой репортаж». А он вовремя не вернулся. Можете представить, как это расценивалось в то время. Спасло Кулиева от подозрений в предательстве и трибунала его командировочное удостоверение, на обратной стороне которого командир той части написал: «Товарищ Кулиев чтением своих стихов помог занять высоту такую-то». То есть, пока шел бой, Кайсын стоял на холме и во все горло декламировал свои стихи. Чудом жив остался», — рассказывает Гуртуев, один из немногих, с кем Кулиев делился воспоминаниями о войне.

С середины 1942 года стихи Кайсына Кулиева публикуются в центральных печатных изданиях в русских переводах, звучат по Всесоюзному радио, принося автору известность.

Под Сталинградом Кайсын Кулиев встретился и подружился с Алимом Кешоковым, впоследствии знаменитым

ЧЕРНОВ/РИА «НОВОСТИ»

“ 26 февраля 1944 года появился подписанный Лаврентием Берией приказ по НКВД «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения». Земли, на которых жили балкарцы, планировалось передать Грузии. 5 марта вышло постановление ГКО, а утром 8 марта началась операция по переселению целого народа. 11 марта Берия доложил Сталину, что «балкарцев выселено 37 103 человека».

кабардинским поэтом, ставшим классиком литературы Кабардино-Балкарии. Тогда началась их дружба, длившаяся до последних дней Кулиева. Дружба Кайсына Кулиева и Алима Кешокова стала легендой и символом братских отношений горских народов. Именно Алим Кешоков вынес из боя вновь раненного Кулиева и донес товарища до госпиталя на руках. Было это во время боев за Севастополь.

НА ДЕПОРТАЦИЮ ЦЕЛОГО НАРОДА УШЛО 2 ЧАСА

В госпитале, в 1944 году, Кайсын Кулиев впервые услышал о принудительном переселении балкарцев в Среднюю Азию. Сначала он отказывался верить, однако вскоре выяснилось, что это действительно так. Он получил весточку от соотечественника-фронтовика Керима Отарова, тоже поэта. В письме было сказано: «Домой не ездят, наших никого там больше нет...»

Случилось это утром 8 марта 1944 года. Историки точно называют дату и время, поскольку на то, чтобы вывезти маленький балкарский народ с родной земли, ушло всего-навсего два часа. В 1944 году депортации были подвергнуты более десятка народов из числа населяющих СССР, и семь из них были лишены автономии — в основном по обвинению в коллаборационизме, распространенному на весь народ.

26 февраля 1944 года появился подписанный Лаврентием Берией приказ по НКВД «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения». Земли, на которых жили балкарцы, планировалось передать Грузии. 5 марта вышло постановление ГКО, а утром 8 марта началась операция по переселению целого народа. 11 марта Берия доложил Сталину, что «балкарцев выселено 37 103 человека».

Ранним утром во всех населенных пунктах, где жили балкарцы, было приказано

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ КНИГ ПОЭТА

немедленно собираться в дорогу. Касалось это всех без исключения: участников и инвалидов войны, семей фронтовиков, депутатов Советов всех уровней... Заслуги перед Родиной никого не интересовали, критерием было лишь балкарское проис-

хождение. В Среднюю Азию в 14 эшелонах было отправлено более 37 тысяч балкарцев. Из общего числа высланных 52 % составляли дети, 30 % — женщины, 18 % — мужчины: инвалиды, вернувшиеся с войны, и старики.

Через месяц, 8 апреля 1944 года, появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации государственности балкарского народа, узаконивший разделение его этнической территории. Эльбрус и Приэльбрусье отходили к Грузии, а

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРІЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУЖДЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2018 РІК

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

КОМПЛЕКТ:
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА» +
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49542
1 міс. - 19,60 грн.
3 міс. - 58,80 грн.
6 міс. - 117,60 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА»

ИНДЕКС 35257
1 міс. - 11,82 грн.
3 міс. - 35,46 грн.
6 міс. - 70,92 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49056
1 міс. - 9,81 грн.
3 міс. - 29,43 грн.
6 міс. - 58,86 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього
періода та пенсіонерів)

ИНДЕКС 37104
1 міс. - 10,12 грн.
3 міс. - 30,36 грн.
6 міс. - 60,72 грн.

Ф. СП-1 Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс)

(адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ	місце	літер
----	-------	-------

ДОСТАВНА КАРТКА-ДУРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

Вартість передплата

Кількість компл.

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

01001

код вулиці

буд.

корп.

кв.

місто

село

область

район

вулиця

прізвище, ініціали

Передплату можно оформити за тел. (044) 207-97-25, на сайті makret.umh.ua, або в будь-якому відділенні Укрпошти

остальная территория передавалась в пользование Кабардинской АССР. Затем последовали и распоряжения о переименовании населенных пунктов. Депортированные балкарцы безвозвратно потеряли свое имущество, а опустевшие села пришли в упадок. Многие из них так впоследствии и не были восстановлены.

Расселяли балкарцев в Средней Азии и Казахстане. Согласно инструкции НКВД СССР, на сборы давалось 20 минут. За 18 дней дороги в необорудованных вагонах от голода, холода и болезней умерли 562 человека. Те, кто пережил дорогу и лишения, оказались в огороженных и тщательно охраняемых местах.

В течение 13 лет каждый шаг каждого балкарца определялся инструкциями НКВД. Спецпереселенцы ставились на учет и отмечались по месту жительства без права отлучаться за пределы района. А ведь каждый четвертый балкарец защищал Родину на фронтах Великой Отечественной!

Пребывание балкарцев в Средней Азии вначале осложнялось и неприязнью местного населения, которое в результате идеологической обработки видело в них врагов советской власти, и лишь годы спустя в отношениях наметилось потепление, перешедшее в дружбу. О достоинствах и благородстве казахов, киргизов и узбеков во многих балкарских семьях говорят до сих пор, спустя много лет после вынужденного соседства...

МОЙ СПИСОК – ВСЬ БАЛКАРСКИЙ НАРОД

С весны 1944 года и отношение к солдатам и офицерам балкарской национальности, как, собственно, и другим представителям репрессированных народов, изменилось. Их старались не повышать в звании и обходили при вручении наград.

За участие в боях за освобождение Крыма в январе 1944 года Кайсын Кулиев был награжден орденом Отечественной войны II степени. Генерал Яков Крейзер, позже Герой Советского Союза, лично приехал в госпиталь, чтобы вручить орден поэту, который лежал в гипсе и не мог подняться. Тот, уже зная о депортации, спросил: «А завтра не придется возвращать вам этот орден?» Крейзер заверил, что награда вручается Кулиеву за его личные заслуги перед Родиной и никто ее назад не заберет.

В связи с депортацией балкарцев в 1944 году Кайсыну Кулиеву не дали и Сталинскую премию, на соискание которой его сборник стихов был выдвинут в 1943 году. Пока Кулиев лежал в госпита-

ПОЭТ НА ФРОНТЕ

ле, его спасением снова занялся Союз писателей, руководство которого ходатайствовало перед Сталиным о том, чтобы ни Кайсына, ни его семью не высылали из родных мест. И в итоге появился документ, который позволял Кулиеву жить в любом месте Советского Союза, кроме Москвы и Ленинграда. Под текстом документа рукой Иосифа Виссарионовича было написано «разрешить». Также поэту предписывалось составить список близких, которым тоже будет разрешено не уезжать.

Рассказывают, что на составление этого списка у Кайсына Кулиева ушла ночь. Утром он сказал: «Единственный возможный список – тот, в который я смогу

включить весь балкарский народ. Сталину от меня передайте спасибо, но я поеду туда, где сейчас все наши». Не все члены Союза писателей отнеслись к этому с одобрением: дважды пренебречь хорошим отношением вождя было не только неразумно, но и опасно...

Перед отъездом в Киргизию Кулиев попросил разрешения съездить в родные места. Его родное село было увешано лозунгами «Все для фронта, все для победы!» – и совершенно безлюдно. Кавказская овчарка возле одного из пустых домов отозвалась на слова, сказанные Кайсыном по-балкарски, и не хотела потом от него отходить. В поездку в высокогорное селение Эльтюбю поэта

сопровождали коллеги из Союза писателей. Они и рассказали впоследствии, что самообладание оставило Кулиева лишь один раз, когда он увидел на улице опустевшего села ослика, вызвавшего у него воспоминания о детстве.

Я НЕ ПОЭТ, Я СТИХОТВОРЕЦ

В Киргизии Кулиев был принят на работу в журнал «Киргизстан», в котором стал членом редакционной коллегии и возглавил русскую секцию. Он сразу начал изучать киргизский язык и активно занялся переводами. Переведенная им книга «Дети гор» Тугельбая Сыдыкбекова, впоследствии народного писателя Киргизской ССР и академика АН Киргизской ССР, получила Сталинскую премию III степени.

Своим долгом Кулиев считал помощь талантливому юноше, Чингизу Айтматову, отец которого был расстрелян в 1938 году. Из-за этого сыну, мечтающему стать писателем, запрещалось не только поступать в высшие учебные заведения, но и писать, и публиковаться. На свой страх и риск Кайсын напечатал в журнале, где работал, один из первых рассказов Айтматова на киргизском языке, а позже помог ему поступить на Высшие литературные курсы, написав Александру Твардовскому. Поддерживала поэта переписка и с другими друзьями-литераторами.

Племянница поэта Фатима Кулиева, сейчас заведующая его домом-музеем, говорит, что прекрасно знавший русский язык Кайсын не хотел писать на русском, утверждая, что человек, думающий на балкарском языке, и писать должен по-балкарски. За это его постоянно упрекал Борис Пастернак. Но единственное стихотворение, написанное по-русски, – фронтовое стихотворение «Жене».

В 1957 году, когда стало понятно, что депортированным балкарцам вот-вот разрешат вернуться домой, и был снят запрет с балкарского языка, Кулиеву предложили издать книгу его стихов. Но он отказался, попросив напечатать стихи другого балкарского поэта, потерявшего на фронте ноги Керима Отарова: «Мне-то легче, а он – безногий».

«Я не поэт, я стихотворец. Поэты – это Пушкин и Лермонтов», – любил говорить Кайсын Кулиев. С детства балкарский мальчишка знал, что станет поэтом. Многие односельчане считали его блаженным – что бы Кайсын ни делал, он постоянно бормотал стихи. Свои или прочитанные в книгах, никто уже не вспомнит. Первую его книгу, «Мои соседи», в Кабардино-Балкарии всерьез не восприняли.

Когда по национальному набору его пригласили учиться в ГИТИС, Кулиев долго отказывался, объясняя, что хочет быть не актером, а поэтом. Однако его уговорили ехать в Москву, и Кайсын получил не только хорошее гуманитарное образование, но и развил свои прирожденные артистические способности. Впрочем, через некоторое время преподаватели ГИТИСа разрешили ему часть специальных дисциплин не посещать, а заниматься тем временем в библиотеке. Уже потом, после войны и депортации, Кайсын Кулиев поступил на Высшие литературные курсы, будучи к этому времени уже сложившимся поэтом.

Его поэзия заняла достойное место в отечественной литературе. Когда балкарцам разрешили вернуться домой, на русском и балкарском языках миллионными тиражами издаются сборники стихов «Горы», «Хлеб и роза», «Я пришел с гор» и другие. В разное время Кайсын был членом Правления СП СССР, первым секретарем Правления СП КБ АССР, РСФСР, председателем Кабардино-Балкарского комитета защиты мира, депутатом Совета Национальностей ВС СССР 5-го, а также 9–11-го созывов от Кабардино-Балкарской АССР.

В 1960–1970-е годы выходят его сборники стихов, каждый из которых становится явлением в литературе: «Огонь на горе», «Раненый камень», «Книга земли», «Звездам – гореть», «Вечер», «Колосия и звезды» и другие. В 1970-м появляется

НАГРАДЫ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

двухтомное собрание сочинений Кулиева, затем собрание сочинений в трех томах, в 1975 году издана книга публицистики «Так растет и дерево».

Незадолго до его смерти выходит сборник стихов «Говорю людям» — последнее прижизненное издание поэта. Он успел подготовить к выходу сборники стихов «Человек. Птица. Дерево», «Жить!», повесть «Скачи, мой ослик» и роман «Была зима». Но все эти книги были изданы уже после смерти поэта.

«Его поэзия — это целостность человека и мира», — говорит Салих Гуртуев, поэт и переводчик, заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии, считая это главным в строках знаменитого земляка. «Ни разу в жизни он не ставил границы между собой и своим народом, а главное — подтягивал землю к небу, а не наоборот», — считает Фатима Кулиева. Кайсын Кулиев впитал в себя культуру Востока, традиции русской и мировой классики. Близкими для себя по духу и творчеству поэтами Кулиев считал Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Низами, Физули, Пастернака, Твардовского, Байрона, Верхарна, Лорку и других. «Мировая поэзия дала мне ту культуру, без которой и вне которой поэтом стать нельзя», — говорил он.

ЖЕНЩИНЫ КУЛИЕВА

В одном из писем Кайсыну Кулиеву в Киргизию Борис Пастернак писал: «Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе».

Жизнелюбивый, умеющий радоваться каждой мелочи Кайсын всю жизнь восхищался женщинами, их красотой и нежностью, гармоничностью сосуществования с природой. Никогда никого не оставлявший без помощи, к женщинам поэт относился особенно внимательно. Гуртуев рассказал, как однажды Кулиев вез нескольких писателей в высокогорное село Эльтютю, когда на дороге увидел женщину с ребенком. Выяснилось, что женщина идет в селение, расположенное в стороне. Тогда Кулиев извинился перед попутчиками и попросил их выйти из машины. А водителю велел отвезти женщину с маленьким сыном, куда ей нужно, а уж затем вернуться за писателями.

Кулиев был женат несколько раз, сколько именно — даже хорошо знавшие его люди сказать затрудняются. Первой женой была его соотечественница Тамара Залиханова. Их дочь Жанна — ныне известный филолог, сейчас готовится к изданию ее книга об отце. Первая жена и познакомила когда-то Кайсына с Макой Дахгильговой, ингушской актрисой, на которой он вскоре женился. Рассказывают, что Мака, практически ставшая секретарем Кайсына, была удивительно хороша собой. Ее называли «ожившая фреска». «Однажды

ИЗ АРХИВА АВТОРА

в Москве Кайсын услышал страшный крик стоявшей на балконе Маки. Оказалось, что это одно из проявлений психического заболевания, которое затем стало быстро развиваться. Кайсыну все знакомые советовали: разведись, эти проблемы тебе не нужны. Кулиев отвечал: «Что же, получается, что она была мне нужна только здоро-

вая, пока у нее все нормально было? А больная уже не нужна?» Он оставался с Макой, пока это было возможно, до последнего», — рассказал Гуртуев.

Салих вспоминает, что была у Кайсына русская жена, была супруга-грузинка. Последней женой балкарского поэта стала его соотечественница Элизат, к которой многие относятся неоднозначно,

однако все признают ее красоту. В балкарском Театре имени Кайсына Кулиева поставлена написанная ею пьеса о покойном муже.

«Многие балкарские мужчины, ссылаясь на трагедию народа, 8 марта, в день депортации, вообще не поздравляют женщин. Магомед Байсултанов рассказал мне, как однажды 8 марта в гостинице «Москва» встретил Кайсына с полными карманами шоколадок, которые он дарил каждой встречной женщине», — рассказала Фатима Кулиева, добавив, что Кулиев старался устраивать людям праздники по любому поводу. А женщин оставить без поздравлений не мог и не хотел.

Кулиев был щедр. Его племянница вспоминала, что первую свою крупную премию поэт передал в Фонд защиты детей. А одну из следующих... крымским татарам. «Крымские татары, переселенные когда-то в Кабардино-Балкарию, написали письмо Брежневу с просьбой помочь им вернуться на родину. Леонид Ильич ответил, что ничего против их возвращения не имеет, но денег на переселение нет. И Кулиев, узнав об этом, предложил свою премию, на которую и переселили татар», — рассказала Фатима Кулиева.

В Доме-музее Кулиева сохранены пачки писем от соотечественников, и не только, с просьбами о помощи. Например, письмо от женщины, единственному сыну которой необходимо редкое и дорогое лекарство, отсутствующее в продаже. На письмо рукой Кулиева написано «Лекарство найдено и отправлено». Костюм для свадьбы, поездка на лечение, музыкальный инструмент для одаренного ребенка — Кулиев практически никому не отказывал.

И только на одну из последних литературных премий, полученную уже в конце жизни, он решился купить дом в селе. Поскольку его родное Эльтютю так и не восстановлено, Кулиев выбрал Чегем — из-за близости к Нальчику, вокзалу и аэропорту. Сейчас Чегем-1 уже получил статус города, а улица, на которой под огромным орехом находятся и его последнее жилище (ныне Дом-музей Кулиева), и могила поэта, носит его имя.

«**«Я не поэт, я стихотворец. Поэты — это Пушкин и Лермонтов», — любил говорить Кайсын Кулиев. С детства балкарский мальчишка знал, что станет поэтом. Многие односельчане считали его блаженным — что бы Кайсын ни делал, он постоянно бормотал стихи. Свои или прочитанные в книгах, никто уже не вспомнит. Первую его книгу, «Мои соседи», в Кабардино-Балкарии всерьез не восприняли.**

Народная память

Бывший проспект Мира в Нальчике — теперь проспект Кулиева, там установлен памятник Кайсыну Кулиеву. Имя Кулиева носят Балкарский драматический театр в Нальчике, благотворительный фонд при его музее, школа в селении Нижний Чегем, пик в урочище Башиль, Дворец культуры в высокогорном городе Тырныаузе, улица в столице Ингушетии Магасе, улица и библиотека в киргизском Бишкеке, школа и музей в Индии, парк в турецком городе Анкаре.

В селении Эльтютю балкарская молодежь уже несколько лет сооружает мемориал под названием «Сто шагов в Кайсыну». На мраморных досках, изготовленных вскладчину, высечены тексты стихотворений поэта. Плиты располагаются вдоль склона горы, чтобы, поднимаясь вверх, путник смог их прочесть. Сейчас в безлюдное Эльтютю люди приезжают для того, чтобы пройти по «лестнице к Кайсыну».

Строки из его стихотворений стали крылатыми: «Легко любить все человечество — попробуй полюби соседа», «Каждая пуля на войне поражает одну цель — сердце мате-

ри», «Добро должно быть с кулаками», «Будь достойным горя», «Настоящее слово стоит скакуна», «Мир и радость вам, живущие»...

Салих Гуртуев написал пьесу о жизни Кулиева «Раненый камень» — так называется одно из лучших стихотворений поэта. Спектакль поставлен в Русском драматическом театре Нальчика, его премьера состоялась в начале этого лета, накануне 30-летия со дня смерти Кулиева. «У меня к Кулиеву особенное отношение. «Раненый камень», в котором я играю Кулиева-фронтовика, — это история появления национального героя, символа балкарского народа. Не думаю, что у нас настолько знают поэзию, чтобы каждый прохожий смог процитировать стихи Кулиева, но самые яркие эпизоды его жизни вам расскажет практически каждый. Кулиев был из тех людей, поступки которых становятся критерием жизни для многих», — говорит исполнитель роли поэта, заслуженный артист КБР кабардинец Олег Гусейнов. Каждый знавший Кулиева лично или по рассказам знакомых добавляет в биографию Кайсына новые детали. Так и появляется у народа человек-легенда. И у каждого — свой Кайсын Кулиев.

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№7(148) от 17.07.2018
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 18954-7744 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
e-mail: topsekretno@gmail.com
Тел./факс редакции: +7 (495) 544 30 37

Фонд Артема БОРОВИКА: www.fondartem.ru
Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями не ведет. Перепечатка только с разрешения «Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содержание рекламы. Во всех случаях типограф-

ского брака обращаться в типографию ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел. (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2018

Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ №63363

В ИЮЛЬСКОМ НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ:

- БУДУЩЕЕ УКРАИНЫ НА ПРИМЕРЕ «ЛЕЧЕНИЯ» ГРЕЦИИ МВФ И ЕС
- РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЛЖИ ПУТИНА НА АВСТРИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ
- ПОЧЕМУ АВИАКОМПАНИИ МАССОВО ЗАДЕРЖИВАЮТ РЕЙСЫ

Уже В ПРОДАЖЕ

Свідोцтво про держреєстрацію Серія КВ, № 18953-7743ПР від 02.03.2012р.

СПЕЦВЫПУСК «Секреты истории»

ДРАЙВ-ТАЙМ

з ЄВГЕНОМ ЖИГУНОМ

ГОЛОС СТОЛИЦІ
слухай, щоб знати

106^{FM}

ЩОНЕДІЛІ | 17:00